

5417
Д 72

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВИКТОР
ДРАГУНСКИЙ

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Д

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Виктор Драгунский

1913—1972

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Рассказы

Москва
«Детская литература»
1985

Р2
Д72

Художник В. Лосин

Драгунский В. Ю.

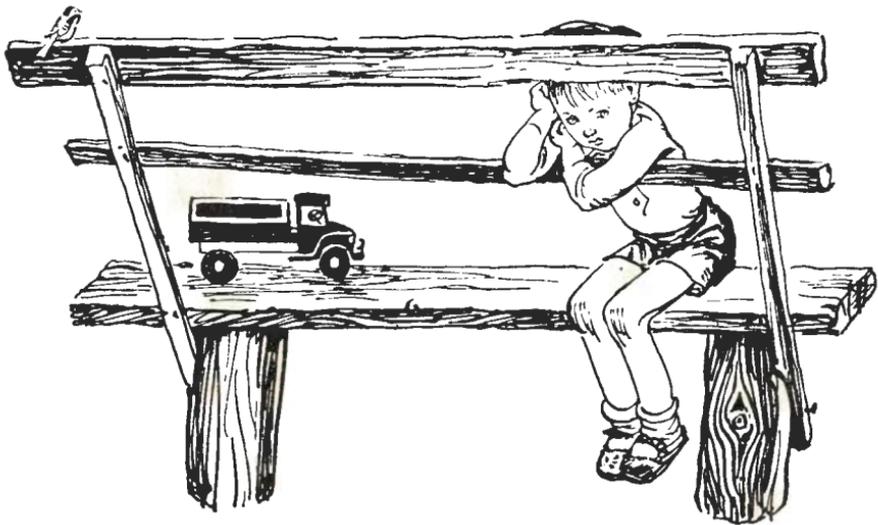
Д72 Девочка на шаре: Рассказы/ Рис. В. Лосина.—
Переизд.— М.: Дет. лит., 1985.— 128 с., ил.— (Школь-
ная б-ка).

В пер.: 40 к.

Широкоизвестные весёлые рассказы о мальчике Дениске.

Д $\frac{4803010102-370}{M101(03)85}$ 238-85

Р2

«ОН ЖИВОЙ И СВЕТИТСЯ...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Опа, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака — они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать.

7711 223 45

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:
— Здорóво!

И я сказал:

— Здорóво!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

— Ого! — сказал Мишка. — Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

— Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее.

Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

— Не дашь самосвал?

— Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

— Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

— Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

— Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

— Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

— Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

— А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

— Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

— Ты открой её,— сказал Мишка,— тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

— Что это, Мишка,— сказал я шёпотом,— что это такое?

— Это светлячок,— сказал Мишка.— Что, хорош? Он живой, не думай.

— Мишка,— сказал я,— бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит моё сердце, и чуть-чуть кололо в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

— Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

— Я, мама, променял его.

Мама сказала:

— Интересно! А на что?

Я ответил:

— На светлячка! Вот он, в коробочке живёт. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

— Да, — сказала она, — это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

— Я так долго ждал тебя, — сказал я, — и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

— А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

— Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

— ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

— А это значит, что если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесёт наказание, — сказала мама. — Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

— Ешь! — сказала мама. — Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

— Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

— Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

— Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

— Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

— Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни — ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал — ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё

равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

— Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! — И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

— Здравствуйте! — и подошёл к окну, и поглядел вниз. — А ещё интеллигентный человек.

— Что вам нужно? — строго спросила мама.

— Как не стыдно! — Милиционер даже стал по стойке «смирно». — Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

— Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

— Ах не выливаете?! — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший!

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на

7722172

шляпе паша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал заикаться.

— Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю своё... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

— Извините, пожалуйста, — сказала она тихо, — разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

— Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

— Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

— Да.

МОТОГОНКИ ПО ОТВЕСНОЙ СТЕНЕ

Ещё когда я был маленький, мне подарили трёхколёсный велосипед. И я на нём выучился ездить. Сразу сел и поехал, несколько не боясь, как будто я всю жизнь ездил на велосипедах.

Мама сказала:

— Смотри, какой он способный к спорту!

А папа сказал:

— Сидит довольно обезьяновато...

А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать на велосипеде разные штуки, как весёлые артисты в цирке. Например, я ездил задом наперёд или лёжа на седле и вертя педали какой угодно рукой — хочешь правой, хочешь левой; ездил боком, растопыря ноги; ездил, сидя на руле, а то зажмурясь и без рук; ездил со стаканом воды в руке. Словом, наловчился по-всякому.

А потом дядя Женя отвернул у моего велосипеда одно колесо, и он стал двухколёсным, и я опять очень быстро всё заучил. И ребята во дворе стали меня называть «чемпионом мира и его окрестностей».

И так я катался на своём велосипеде до тех пор, пока колени у меня не стали во время езды подниматься выше руля. Тогда я догадался, что я уже вырос из этого велосипеда, и стал думать, когда же папа купит мне настоящую машину «Школьник».

И вот однажды к нам во двор въезжает велосипед. И дяденька, который на нём сидит, не крутит ногами, а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет сам. Я ужасно удивился. Я никогда не видел, чтобы велосипед ехал сам. Мотоцикл — это другое дело, автомобиль — тоже, ракета — ясно, а велосипед? Сам?

Я просто глазам своим не поверил.

А этот дяденька, что на велосипеде, подъехал к Мишкиному парадному и остановился. И он оказался совсем не дяденькой, а молодым парнем. Потом он поставил велосипед около трубы и ушёл. А я остался стоять тут же с разинутым ртом. Вдруг выходит Мишка.

Он говорит:

— Ну? Чего уставился?

Я говорю:

— Сам едет, понял?

Мишка говорит:

— Это нашего племянника Федьки машина. Велосипед с мотором. Федька к нам приехал по делу — чай пить.

Я спрашиваю:

— А трудно такой машиной управлять?

— Ерунда на постном масле, — говорит Мишка. — Она заводится с пол-оборота. Один раз нажмёшь на педаль, и готово — можешь ехать. А бензину в ней на сто километров. А скорость двадцать километров за полчаса.

— Ого! Вот это да! — говорю я. — Вот это машина! На такой покататься бы!

Тут Мишка покачал головой:

— Влетит. Федька убьёт. Голову оторвёт!

— Да. Опасно, — говорю я.

Но Мишка огляделся по сторонам и вдруг заявляет:

— Во дворе никого нет, а ты всё-таки «чемпион мира». Садись! Я помогу разогнать машину, а ты один разок толкни педаль, и всё пойдёт как по маслу. Объедешь вокруг садика два-три круга, и мы тихонечко поставим машину на место. Федька у нас чай подолгу пьёт. По три стакана дует. Давай!

— Давай! — сказал я.

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздился. Одна нога действительно доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макариноной отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

— Жми педаль, жми давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла да как

нажму на педаль. Мишка чем-то щёлкнул на руле... И вдруг машина затрещала, и я поехал!

Я поехал! Сам! На педали не жму — не достаю, а только еду, соблюдаю равновесие!

Это было чудесно! Ветерок засвистел у меня в ушах, всё вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, и всё сначала, и я ехал, вцепившись в руль, а Мишка всё бежал за мной, но на третьем круге он крикнул:

— Я устал! — и прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я всё ездил и воображал, что участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел, в парке культуры так мчалась отважная артистка...

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление — всё мелькало передо мной довольно долго, и всё было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стали немножко колоть мурашки... И ещё мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:

— Хватит! Остановливай!

Мишка побежал за мной и кричит:

— Что? Говори громче!

Я кричу:

— Ты что, оглох, что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал ещё круг и закричал.

— Останови машину, Мишка!

Тогда он схватился за руль, машину качнуло, он упал, а я опять поехал дальше.

Гляжу, он снова встречает меня у столбика и орёт:
— Тормоз! Тормоз!

Я промчался мимо него и стал искать этот тормоз. Но ведь я же не знал, где он! Я стал крутить разные винтики и что-то нажимать на руле. Куда там! Никакого толку. Машина трещит себе как ни в чём не бывало, а у меня в макаронную ногу уже тысячи иголок впиваются!

Я кричу:

— Мишка, а где этот тормоз?

А он:

— Я забыл!

А я:

— Ты вспомни!

— Ладно, вспомню, ты пока покрутись ещё немножко!

— Ты скорее вспоминай, Мишка! — опять кричу я.

И проехал дальше, и чувствую, что мне уже совсем не по себе, тошно как-то. А на следующем кругу Мишка снова кричит:

— Не могу вспомнить! Ты лучше попробуй спрыгни!

А я ему:

— Меня тошнит!

Если бы я знал, что так получится, ни за что бы не стал кататься, лучше пешком ходить, честное слово!

А тут опять впереди Мишка кричит:

— Надо достать матрац, на котором спят! Чтoб ты в него врезался и остановился! Ты на чём спишь?

Я кричу:

— На раскладушке!

А Мишка:

— Тогда ездй, пока бензин не кончится!

Я чуть не переехал его за это. «Пока бензин не

кончится»... Это, может быть, ещё две недели так носиться вокруг садика, а у нас на вторник билеты в кукольный театр. И ногу колет! Я кричу этому дуралею:

— Сбегай за вашим Федькой!

— Он чай пьёт! — кричит Мишка.

— Потом допьёт! — ору я.

А он не дослышал и соглашается со мной:

— Убьёт! Обязательно убьёт!

И опять всё завертелось передо мной: столбик, ворота, скамеечка, качели, домоуправление. Потом наоборот: домоуправление, качели, скамеечка, столбик, а потом пошло вперемешку: домик, столбоуправление, грибеечка... И я понял, что дело плохо.

Но в это время кто-то сильно схватил машину, она перестала трещать, и меня довольно крепко хлопнули по затылку. Я сообразил, что это Мишкин Федька наконец почайпил. И я тут же кинулся бежать, но не смог, потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал. Но я всё-таки не растерялся и ускакал от Федьки на одной ноге.

И он не стал догонять меня.

А я на него не рассердился за подзатыльник. Потому что без него я, наверно, кружил бы по двору до сих пор.

СЛАВА ИВАНА КОЗЛОВСКОГО

У меня в табеле одни пятёрки. Только по чистописанию четвёрка. Из-за клякс. Я прямо не знаю, что делать! У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макаю в чернила только самый кончик пера, а кляксы всё равно соскакивают. Просто чудеса какие-

то! Один раз я целую страницу написал чисто-чисто, любо-дорого смотреть — настоящая пятёрочная страница. Утром показал её Раисе Ивановне, а там на самой середине клякса! Откуда она взялась? Вчера её не было! Может быть, она с какой-нибудь другой страницы просочилась? Не знаю...

А так у меня одни пятёрки. Только по пению тройка. Это вот как получилось. Был у нас урок пения. Сначала мы пели все хором «Во поле берёзонька стояла». Выходило очень красиво, но Борис Сергеевич всё время морщился и кричал:

— Тяните гласные, друзья, тяните гласные!..

Тогда мы стали тянуть гласные, но Борис Сергеевич хлопнул в ладоши и сказал:

— Настоящий кошачий концерт! Давайте-ка займёмся с каждым инди-виду-ально.

Это значит с каждым отдельно.

И Борис Сергеевич вызвал Мишку.

Мишка подошёл к роялю и что-то такое прошептал Борису Сергеевичу.

Тогда Борис Сергеевич начал играть, а Мишка тихонечко запел:

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок...

Ну и смешно же пищал Мишка! Так пищит наш котёнок Мурзик. Разве ж так поют! Почти ничего не слышно. Я просто не мог выдержать и рассмеялся.

Тогда Борис Сергеевич поставил Мишке пятёрку и поглядел на меня.

Он сказал:

— Ну-ка, хохотун, выходи!

Я быстро подбежал к роялю.

— Ну-с, что вы будете исполнять? — вежливо спросил Борис Сергеевич.

Я сказал:

— Песня гражданской войны «Веди ж, Будённый, нас смелее в бой».

Борис Сергеевич тряхнул головой и заиграл, но я его сразу остановил:

— Играйте, пожалуйста, погромче! — сказал я.

Борис Сергеевич сказал:

— Тебя не будет слышно.

Но я сказал:

— Будет. Ещё как!

Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как запою:

Высоко в небе ясном
Вьётся алый стяг...

Мне очень нравится эта песня.

Так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьётся алый стяг.

Тут я даже зажмурился от восторга и закричал что было сил:

Мы мчимся на конях туда,
Где виден враг!
И в битве упоительной...

Я хорошо пел, наверное, даже было слышно на другой улице:

Лавиной стремительной! Мы мчимся вперёд!.. Ура!..
Красные всегда побеждают! Отступайте, враги! Даёшь!!!

Я паял себе кулаками на живот, вышло ещё громче, и я чуть не лопнул:

Мы врезались в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный и у меня дрожали колени.

А Борис Сергеевич хоть и играл, но весь как-то склонился к роялю, и у него тоже тряслись плечи...

Я сказал:

— Ну как?

— Чудовищно! — похвалил Борис Сергеевич.

— Хорошая песня, правда? — спросил я.

— Хорошая, — сказал Борис Сергеевич и закрыл платком глаза.

— Только жаль, что вы очень тихо играли, Борис Сергеевич, — сказал я, — можно бы ещё погромче.

— Ладно, я учту, — сказал Борис Сергеевич. — А ты не заметил, что я играл одно, а ты пел немножко по-другому?

— Нет, — сказал я, — я этого не заметил! Да это и неважно. Просто надо было погромче играть.

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — раз ты ничего не заметил, поставим тебе пока тройку. За прилежание.

Как — тройку? Я даже опешил. Как же это может быть? Тройку — это очень мало! Мишка тихо пел и то получил пятёрку... Я сказал:

— Борис Сергеевич, когда я немножко отдохну, я ещё громче смогу, вы не думайте. Это я сегодня плохо завтракал. А то я так могу спеть, что тут у всех уши позаложит. Я знаю ещё одну песню. Когда я её дома пою, все соседи прибегают, спрашивают, что случилось.

— Это какая же? — спросил Борис Сергеевич.
— Жалостливая, — сказал я и завёл:

Я вас любил...
Любовь ещё, быть может...

Но Борис Сергеевич поспешно сказал:

— Ну хорошо, хорошо, всё это мы обсудим в следующем раз.

И тут раздался звонок.

Мама встретила меня в раздевалке. Когда мы собирались уходить, к нам подошёл Борис Сергеевич.

— Ну, — сказал он, улыбаясь, — возможно, ваш мальчи́к будет Лобачевским, может быть, Менделеевым. Он может стать Суриковым или Кольцовым, я не удивлюсь, если он станет известен стране, как известен товарищ Николай Мамай или какой-нибудь боксёр, но в одном могу заверить вас абсолютно твёрдо: славы Ивана Козловского он не добьётся. Никогда!

Мама ужасно покраснела и сказала:

— Ну, это мы ещё увидим!

А когда мы шли домой, я всё думал:

«Неужели Козловский поёт громче меня?»

ЗЕЛЁНЧАТЫЕ ЛЕОПАРДЫ

Мы сидели с Мишкой и Алёнкой на песке около домоуправления и строили площадку для запуска космического корабля. Мы уже вырыли яму и уложили её кирпичом и стёклышками, а в центре оставили пустое место для ракеты. Я принёс ведро и положил в него аппаратуру.

Мишка сказал:

— Надо вырыть боковой ход — под ракету, чтоб, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Алёнка сказала:

— Я устала! Перекур!

А Мишка сказал:

— Правильно.

И мы стали отдыхать.

В это время из второго парадного вышел Костик. Он был такой худой, прямо невозможно узнать. И бледный, нисколько не загорел. Он подошёл к нам и говорит:

— Здорóво, ребята!

Мы все сказали:

— Здорóво, Костик!

Он тихонько сел рядом с нами.

Я сказал:

— Ты что, Костик, такой худущий? Вылитый Кощей...

Он сказал:

— Да это у меня корь была.

Алёнка подняла голову:

— А теперь ты выздоровел?

— Да,— сказал Костик,— я теперь совершенно выздоровел.

Мишка отодвинулся от Костика и сказал:

— Заразный небось?

А Костик улыбнулся:

— Нет, что ты, не бойся. Я не заразный. Вчера доктор сказал, что я уже могу общаться с детским коллективом.

Мишка придвинулся обратно, а я спросил:

— А когда болел, больно было?

— Нет, — ответил Костик, — не больно. Скучно очень. А так ничего. Мне картинки переводные дарили, я их всё время переводил, надоело до смерти.

Алёнка сказала:

— Да, болеть хорошо! Когда болеешь, всегда что-нибудь дарят.

Мишка сказал:

— Так ведь и когда здоровый, тоже дарят. В день рождения или когда ёлка.

Я сказал:

— Ещё дарят, когда в другой класс переходишь с пятёрками.

Мишка сказал:

— Мне не дарят. Одни тройки! А вот когда корь, всё равно ничего особенного не дарят, потому что потом все игрушки надо сжигать. Плохая болезнь корь, никуда не годится.

Костик спросил:

— А разве бывают хорошие болезни?

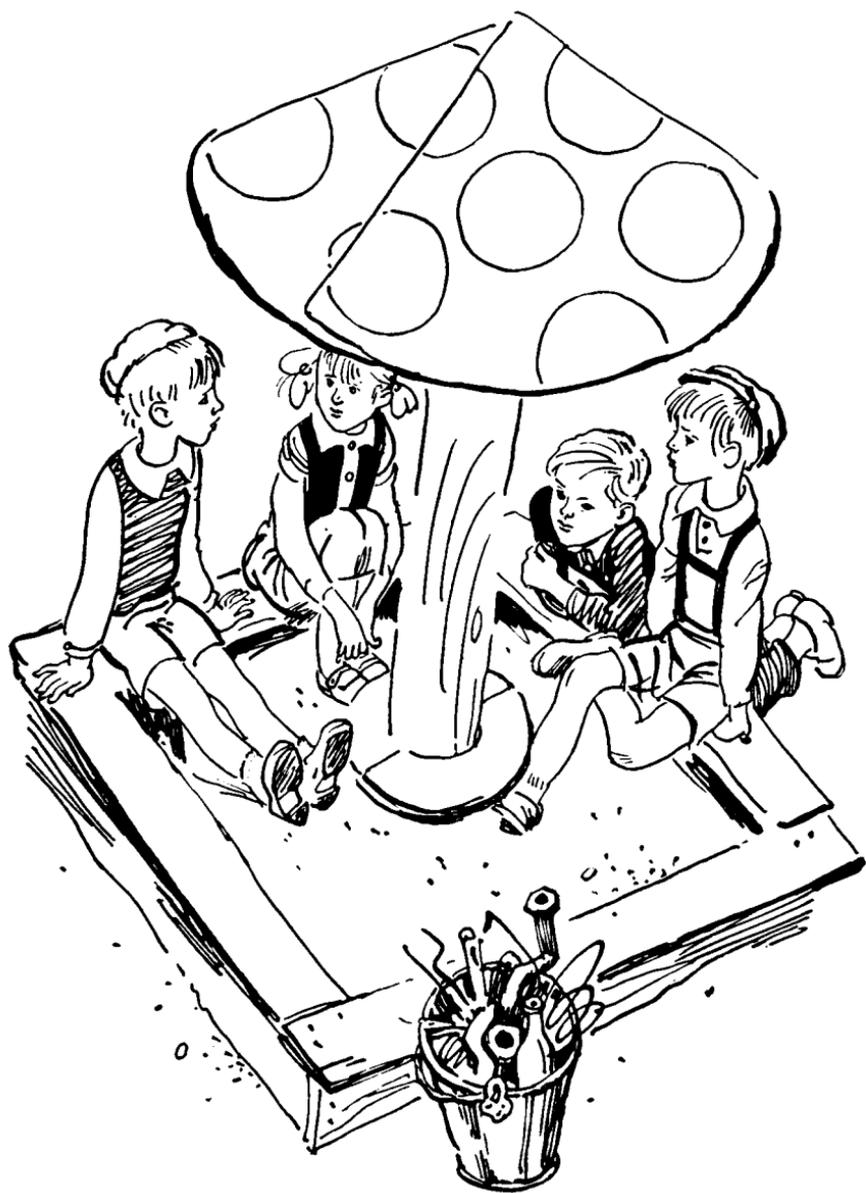
— Ого, — сказал я, — сколько хочешь! Ветрянка, например. Очень хорошая, интересная болезнь. Я когда болел, мне всё тело, каждую болячку отдельно зелёнкой мазали. Я был похож на леопарда. Что, плохо разве?

— Конечно, хорошо, — сказал Костик.

Алёнка посмотрела на меня и сказала:

— Когда лишай, тоже очень красивая болезнь. Но Мишка только засмеялся:

— Сказала тоже — «красивая»! Намажут два-три пятнышка, вот и вся красота. Нет, лишай — это мелочь. Я лучше всего люблю грипп. Когда грипп, чаю дают с малиновым вареньем. Ешь сколько хочешь, просто не верится. Один раз я, большой, целую банку съел. Мама даже удивилась: «Смотрите, говорит, у мальчика грипп, температура тридцать восемь»,

а такой аппетит». А бабушка сказала: «Грипп разный бывает, это у него такая новая форма, дайте ему ещё, это у него организм требует». И мне дали ещё, но я больше не смог есть, такая жалость... Это грипп, наверно, на меня так плохо действовал.

Тут Мишка подпёрся кулаком и задумался, а я сказал:

— Грипп, конечно, хорошая болезнь, но с гландами не сравнить, куда там!

— А что? — сказал Костик.

— А то, — сказал я, — что, когда гланды вырезают, мороженого дают потом, для заморозки. Это почище твоего варенья!

Алёнка сказала:

— А гланды от чего заводятся?

Я сказал:

— От насморка. Они в носу вырастают, как грибы, потому что сырость.

Мишка вздохнул и сказал:

— Насморк — болезнь ерундовая. Каплют чего-то в нос, ещё хуже течёт.

Я сказал:

— Зато керосин можно пить. Не слышно запаха.

— А зачем пить керосин?

Я сказал:

— Ну не пить, так в рот набирать. Вот фокусник наберёт полный рот, а потом палку зажжённую возьмёт в руки и на нее как брызнет! Получается очень красивый огненный фонтан. Конечно, фокусник секрет знает. Без секрета не берись, ничего не получится.

— В цирке лягушек глотают, — сказала Алёнка.

— И крокодилов тоже! — добавил Мишка.

Я прямо покотился от хохота. Надо же такое выдумать. Ведь всем известно, что крокодил сделан из панциря, как же его есть?

Я сказал:

— Ты, Мишка, видно, с ума сошёл! Как ты будешь есть крокодила, когда он жёсткий. Его нипочём нельзя прожевать.

— Варёного-то? — сказал Мишка.

— Как же! Станет тебе крокодил вариться! — закричал я на Мишку.

— Он же зубастый, — сказала Алёнка, и видно было, что она уже испугалась.

А Костик добавил:

— Он сам же ест, что ни день, укротителей этих.

Алёнка сказала:

— Ну да? — И глаза у неё стали как белые пуговицы.

Костик только сплюнул в сторону.

Алёнка скривила губы:

— Говорили про хорошее — про гриба и про лишаёв, а теперь про крокодилов. Я их боюсь...

Мишка сказал:

— Про болезни уже всё переговорили. Кашель, например. Что в нём толку? Разве вот что в школу не ходить...

— И то хлеб, — сказал Костик. — А вообще вы правильно говорили: когда болесшь, все тебя больше любят.

— Ласкают, — сказал Мишка, — глядят... Я заметил: когда болеешь, всё можно выпросить. Игру какую хочешь, или ружьё, или паяльник.

Я сказал:

— Конечно. Нужно только, чтобы болезнь была пострашнее. Вот если ногу сломаешь или шею, тогда чего хочешь купят.

Алёнка сказала:

— И велосипед?!

А Костик хмыкнул:

— А зачем велосипед, если нога сломана?

— Так ведь она прирастёт! — сказал я.

Костик сказал:

— Верно!

Я сказал:

— А куда же она денется! Да, Мишка?

Мишка кивнул головой, и тут Алёнка натянула платье на колени и спросила:

— А почему это, если вот, например, пожжёшься, или шишку набьёшь, или там синяк, то, наоборот, бывает, что тебе ещё и наподдадут. Почему это так бывает?

— Несправедливость! — сказал я и стукнул ногой по ведру, где у нас лежала аппаратура.

Костик спросил:

— А это что такое вы здесь затеяли?

Я сказал:

— Площадка для запуска космического корабля!

Костик прямо закричал:

— Так что же вы молчите! Черти полосатые! Прекратите разговоры. Давайте скорей строить!!!

И мы прекратили разговоры и стали строить.

НАДО ИМЕТЬ ЧУВСТВО ЮМОРА

Один раз мы с Мишкой делали уроки. Мы положили перед собой тетрадки и списывали. И в это время я рассказывал Мишке про лемуру, что у них большие глаза, как стеклянные блюдечки, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авторучку, сам маленький-маленький и ужасно симпатичный.

Потом Мишка говорит:

— Написал?

Я говорю:

— Уже.

— Ты мою тетрадку проверь, — говорит Мишка, — а я — твою.

И мы поменялись тетрадками.

И я как увидел, что Мишка написал, так сразу стал хохотать.

Гляжу, а Мишка тоже покатывается, прямо синий стал.

Я говорю:

— Ты чего, Мишка, покатываешься?

А он:

— Я покатываюсь, что ты неправильно списал!

А ты чего?

Я говорю:

— А я то же самое, только про тебя. Гляди, ты написал: «Наступили мозы». Это кто такие — «мозы»?

Мишка покраснел:

— Мозы — это, наверно, морозы. А ты вот написал: «Натала зима». Это что такое?

— Да, — сказал я, — не «натала», а «настала». Ничего не напишешь, надо переписывать. Это всё лемуры виноваты.

И мы стали переписывать. А когда переписали, я сказал:

— Давай задачи задавать!

— Давай, — сказал Мишка.

В это время пришёл папа. Он сказал:

— Здравствуйте, товарищи студенты...

И сел к столу.

Я сказал:

— Вот, папа, послушай, какую я Мишке задам задачу: вот у меня есть два яблока, а нас трое, как разделить их среди нас поровну?

Мишка сейчас же надулся и стал думать. Папа не надулся, но тоже задумался. Они думали долго.

Я тогда сказал:

— Сдаёшься, Мишка?

Мишка сказал:

— Сдаюсь!

Я сказал:

— Чтобы мы все получили поровну, надо из этих яблок сварить компот. — И стал хохотать: — Это меня тётя Мила научила!..

Мишка надулся ещё больше. Тогда папа сощурил глаза и сказал:

— А раз ты такой хитрый, Денис, дай-ка я задам тебе задачу.

— Давай задавай, — сказал я.

Папа ходил по комнате.

— Ну слушай, — сказал папа. — Один мальчишка учится в первом классе «В». Его семья состоит из пяти человек. Мама встаёт в семь часов и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус во сколько встаёт мама.

Когда они все вместе, они начинают будить этого мальчишку из первого класса «В». На это уходит время чтения дедушкиных газет плюс бабушкино хождение в магазин.

Когда мальчишка из первого класса «В» просыпается, он потягивается столько времени, сколько одевается мама плюс папина чистка зубов. А умывается он, сколько дедушкины газеты, делённые на бабушку. На уроки он опаздывает на столько минут, сколько он потягивается плюс умывается минус мамино вставание, умноженное на папины зубы.

Спрашивается: кто же этот мальчишка из первого «В» и что ему грозит, если это будет продолжаться? Всё!

Тут папа остановился посреди комнаты и стал смотреть на меня. А Мишка захохотал во всё горло и стал тоже смотреть на меня. Они оба на меня смотрели и хохотали.

Я сказал:

— Я не могу сразу решить эту задачу, потому что мы ещё этого не проходили.

И больше я не сказал ни слова, а вышел из комнаты, потому что я сразу догадался, что в ответе этой задачи получится лентяй и что такого скоро выгонят из школы. Я вышел из комнаты в коридор и залез за вешалку и стал думать, что если это задача про меня, то это неправда, потому что я всегда встаю довольно быстро и потягиваюсь совсем недолго, ровно столько, сколько нужно. И ещё я подумал, что если папе так хочется на меня выдумывать, то, пожалуйста, я могу уйти из дома прямо на целину. Там работа всегда найдётся, там люди нужны, особенно молодёжь. Я там буду покорять природу, и папа приедет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я остановлюсь на минутку, скажу:

«Здравствуй, папа», — и пойду дальше покорять.

А он скажет:

«Тебе привет от мамы...»

А я скажу:

«Спасибо... Как она поживает?»

А он скажет:

«Ничего».

А я скажу:

«Наверно, она забыла своего единственного сына?»

А он скажет:

«Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как скучает!»

А что я ему скажу дальше, я не успел придумать, потому что на меня упало пальто и папа вдруг прилез за вешалку. Он меня увидел и сказал:

— Ах ты, вот он где! Что у тебя за такие глаза? Неужели ты принял эту задачу на свой счёт?

Он поднял пальто и повесил на место и сказал дальше:

— Я это всё выдумал. Такого мальчишки и на свете-то нет, не то что в вашем классе!

И папа взял меня за руки и вытащил из-за вешалки.

Потом ещё раз поглядел на меня пристально и улыбнулся:

— Надо иметь чувство юмора, — сказал он мне, и глаза у него стали весёлые-весёлые. — А ведь это смешная задача, правда? Ну! Засмейся!

И я засмеялся.

И он тоже.

И мы пошли в комнату.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Несколько дней тому назад мы начали строить площадку для запуска космического корабля и вот до сих пор не кончили, а я сначала думал, что раз-два-три — и у нас сразу всё будет готово. Но дело как-то не клеилось, а всё потому, что мы не знали, какая она должна быть, эта площадка.

У нас не было плана.

Тогда я пошёл домой. Взял листок бумажки и рисовал на нём, что куда: где вход, где выход, где одеваться, где космонавта провожают и где кнопку

нажимать. Это всё получилось у меня очень здорово, особенно кнопка. А когда я нарисовал площадку, я заодно пририсовал к ней и ракету. И первую ступеньку, и вторую, и кабину космонавта, где он будет вести научные наблюдения, и отдельный закуток, где он будет обедать, и я даже придумал, где ему умываться, и изобрёл для этого самовывдвигающиеся вёдра, чтобы он в них собирал дождевую воду.

И когда я показал этот план Алёнке, Мишке и Костику, им всем очень понравилось. Только вёдра Мишка зачеркнул.

Он сказал:

— Они будут тормозить.

И Костик сказал:

— Конечно, конечно! Убери эти вёдра.

И Алёнка сказала:

— Ну их совсем!

И я тогда не стал с ними спорить, и мы прекратили всякие ненужные разговоры и принялись за работу. Мы достали тяжеленную трамбушку. Я и Мишка колотили ею по земле. А позади нас шла Алёнка и подравнивала за нами прямо сапдаликами. Они у неё были новенькие, красивые, а через пять минут стали серые. Перекрасились от пыли.

Мы чудесно утрамбовали площадку и работали дружно. И к нам ещё один парень присоединился, Андрюшка, ему шесть лет. Он хотя немножко рыжеватый, но довольно сообразительный. А в самый разгар работы открылось окно на четвёртом этаже, и Алёнкина мама крикнула:

— Алёнка! Домой сейчас же! Завтракать!

И когда Алёнка убежала, Костик сказал:

— Ещё лучше, что ушла!

А Мишка сказал:

— Жалко. Всё-таки рабочая сила...

Я сказал:

— Давайте приналяжем!

И мы приналегли, и очень скоро площадка была совершенно готова. Мишка её осмотрел, засмеялся от удовольствия и говорит:

— Теперь главное дело надо решить: кто будет космонавтом.

Андрюшка сейчас же откликнулся:

— Я буду космонавтом, потому что я самый маленький, меньше всех вешу!

А Костик:

— Это ещё неизвестно. Я болел, я знаешь как похудел? На три кило! Я космонавт.

Мы с Мишкой только переглянулись. Эти чертенята уже решили, что они будут космонавтами, а про нас как будто и забыли.

А ведь это я всю игру придумал. И, ясное дело, я и буду космонавтом!

И только я успел так подумать, как Мишка вдруг заявляет:

— А кто всёй работой тут сейчас командовал? А? Я командовал! Значит, я буду космонавтом!

Это всё мне совершенно не понравилось. Я сказал:

— Давайте сначала ракету выстроим. А потом сделаем испытания на космонавта. А потом и запуск назначим.

Они сразу обрадовались, что ещё много игры осталось, и Андрюшка сказал:

— Даёшь ракету строить!

Костик сказал:

— Правильно!

А Мишка сказал:

— Ну что ж, я согласен.

Мы стали строить ракету прямо на нашей

пусковой площадке. Там лежала здоровенная пузатая бочка. В ней раньше был мел, а теперь она валялась пустая. Она была деревянная и почти совершенно целая, и я сразу всё сообразил и сказал:

— Вот это будет кабина. Здесь любой космонавт может поместиться, даже самый настоящий, не то что я или Мишка.

И мы эту бочку поставили на серёдку, и Костик сейчас же приволок с чёрного хода какой-то старый пичей самовар. Он его приделал к бочке, чтобы заливать туда горючее. Получилось очень складно. Мы с Мишкой сделали внутреннее устройство и два окошечка по бокам: это были иллюминаторы для наблюдения. Андрюшка притащил довольно здоровый ящик с крышкой и наполовину всунул его в бочку. Я сначала не понял, что это такое, и спросил Андрюшку:

— Это зачем?

А он сказал:

— Как — зачем? Это вторая ступень!

Мишка сказал:

— Молодец!

И у нас работа закипела вовсю. Мы достали разных красок, и несколько кусочков жести, и гвоздей, и верёвочек, и протянули эти верёвочки вдоль ракеты, и жестянки прибили к хвостовому оперению, и подкрасили длинные полосы по всему бочкиному боку, и много ещё чего понаделали, всего не перескажешь. И когда мы увидели, что всё у нас готово, Мишка вдруг отвернул краник у самовара, который был у нас баком для горючего. Мишка отвернул краник, но оттуда ничего не потекло. Мишка ужасно разгорячился, он потрогал пальцем снизу сухой краник, повернулся к Андрюшке, который считался у нас главным инженером, и заорал:

— Вы что? Что вы наделали?

Андрюшка сказал:

— А что?

Тогда Мишка вконец разозлился и ещё хуже зарорал:

— Молчать! Вы главный инженер или что?

Андрюшка сказал:

— Я главный инженер. А чего ты орёшь?

А Мишка:

— Где же горючее в машине? Ведь в самоваре... то есть в баке, нет ни капли горючего.

А Андрюшка:

— Ну и что?

Тогда Мишка ему:

— А вот как дам, тогда узнаешь «ну и что»!

Тут я вмешался и крикнул:

— Наполнить бак! Механик, быстро!

И я грозно посмотрел на Костика. Он сейчас же сообразил, что это он и есть механик, схватил ведёрко и побежал в котельную за водой. Он там набрал полведра горячей воды, прибежал обратно, влез на кирпич и стал заливать.

Он наливал воду в самовар и кричал:

— Есть горючее! Всё в порядке!

А Мишка стоял под самоваром и ругал Андрюшку на чём свет стоит.

И тут на Мишку полилась вода. Она была не горячая, но ничего себе, довольно чувствительная, и, когда она залилась Мишке за воротник и на голову, он здорово испугался и отскочил как ошпаренный. Самовар-то был, видать, дырявый. Он Мишку почти всего окатил, а главный инженер злорадно захохотал:

— Так тебе и надо!

У Мишки прямо засверкали глаза.

И я увидел, что Мишка сейчас даст этому нахальному инженеру по шее, поэтому я быстро встал между ними и сказал:

— Слушайте, ребя, а как же мы назовём наш корабль?

— «Торпедо»... — сказал Костик.

— Или «Снартак», — перебил Андрюшка, — а то «Динамо».

Мишка опять обиделся и сказал:

— Нет уж, тогда «ЦСКА»!

Я им сказал:

— Ведь это же не футбол! Вы ещё нашу ракету «Пахтакор» назовите! Надо назвать «Восток-2»! Потому что у Гагарина просто «Восток» называется корабль, а у нас будет «Восток-2»!.. На, Мишка, краску, пиши!

Он сейчас же взял кисточку и принялся малевать, сопя носом. Он даже высунул язык. Мы стали глядеть на него, но он сказал:

— Не мешайте! Не глядите под руку!

И мы от него отошли.

А я в это время взял градусник, который я утащил из ванной, и измерил Андрюшке температуру. У него оказалось сорок восемь и шесть. Я просто схватился за голову: я никогда не видел, чтобы у обыкновенного мальчика была такая высокая температура. Я сказал:

— Это какой-то ужас! У тебя, наверно, ревматизм или тиф. Температура сорок восемь и шесть! Отойди в сторону.

Он отошёл, но тут вмешался Костик:

— Теперь осмотри меня! Я тоже хочу быть космонавтом!

Вот какое несчастье получается: все хотят! Прямо отбою от них нет. Всякая мелюзга, а туда же!

Я сказал Костику:

— Во-первых, ты после кори. И тебе никакая мама не разрешит быть космонавтом. А во-вторых, покажи язык!

Он моментально высунул кончик своего языка. Язык был розовый и мокрый, но его было мало видно.

Я сказал:

— Что ты мне какой-то кончик показываешь! Давай весь вываливай!

Он сейчас же вывалил весь свой язык, так что чуть до воротника не достал. Неприятно было на это смотреть, и я ему сказал:

— Всё, всё, хватит! Довольно! Можешь убирать свой язык. Чересчур он у тебя длинный, вот что. Просто ужасно длиннющий. Я даже удивляюсь, как он у тебя во рту укладывается.

Костик совершенно растерялся, но потом всё-таки опомнился, захлопал глазами и говорит с угрозой:

— Ты не трещи! Ты прямо скажи: гожусь я в космонавты?

Тогда я сказал:

— С таким-то языком? Конечно, нет! Ты что, не понимаешь, что если у космонавта длинный язык, он уже никуда не годится? Он ведь всем на свете разболтает все секреты: где какая звезда вертится, и всё такое... Нет, ты, Костик, лучше успокойся! С твоим язычком лучше на земле сидеть.

Тут Костик ни с того ни с сего покраснел, как помидор. Он отступил от меня на шаг, сжал кулаки, и я понял, что сейчас у нас с ним начнётся самая настоящая драка. Поэтому я тоже быстро поплевал в кулаки и выставил ногу вперёд, чтобы была настоящая боксёрская поза, как на фотографии у чемпиона лёгкого веса.

Костик сказал:

— Сейчас дам плюху!

А я сказал:

— Сам схватишь две!

Он сказал:

— Будешь валяться на земле!

А я ему:

— Считай, что ты уже умер!

Тогда он подумал и сказал:

— Неохота что-то связываться...

А я:

— Ну и замолкни!

И тут Мишка закричал пам от ракеты:

— Эй, Костик, Дениска, Андрюшка! Идите надпись смотреть.

Мы побежали к Мишке и стали глядеть. Ничего себе была надпись, только кривая и в конце завивалась книзу. Андрюшка сказал:

— Во здорово!

И Костик сказал:

— Блеск!

А я ничего не сказал. Потому что там было написано так: «ВАСТОК-2».

Я не стал этим Мишку допекать, а подошёл и исправил обе ошибки. Я написал: «ВОСТОГ-2».

И всё. Мишка покраснел и промолчал. Потом он подошёл ко мне, взял под козырёк.

— Когда назначаете запуск? — спросил Мишка.

Я сказал:

— Через час!

Мишка сказал:

— Ноль-ноль?

И я ответил:

— Ноль-ноль!

Прежде всего нам пужно было достать взрывчатку. Это было нелёгкое дело, но кое-что всё-таки набралось. Во-первых, Андрюшка притащил десять штук ёлочных бенгальских огней. Потом Мишка тоже принёс какой-то пакетик, — я забыл, как называется, вроде борной кислоты. Мишка сказал, что это кислота очень красиво горит. А я приволок две шутихи, они у меня ещё с прошлого года в ящике валялись. И мы взяли трубу от нашего самовара-бака, заткнули с одного конца тряпкой и затолкали туда всю нашу взрывчатку и утрясли её как следует. А потом Костик принёс какой-то поясok от маминого халата, и мы сделали из него бикфордов шнур. Всю нашу трубу мы уложили во вторую ступеньку ракеты и привязали её верёвками, а шнур вытащили наружу, и он лежал за нашей ракетой на земле, как хвост от змеи.

И теперь всё у нас было готово.

— Теперь, — сказал Мишка, — пришла пора решать, кто полетит. Ты или я, потому что Андрюшка и Костик пока ещё не подходят.

— Да, — сказал я, — они не подходят по состоянию здоровья.

Как только я это сказал, так из Андрюшки сейчас же закапали слёзы, а Костик отвернулся и стал колупать стену, потому что из него тоже, наверно, закапало, но он стеснялся, что вот ему уже скоро семь, а он плачет. Тогда я сказал:

— Костик назначается Главным Зажигателем!

Мишка добавил:

— А Андрюшка назначается Главным Запускателем!

Тут они оба повернулись к нам, и лица у них стали

гораздо веселее, и никаких слёз не стало видно, просто удивительно!

Тогда я сказал:

— Мишка, а мы давай считаться на космонавта.

Мишка сказал:

— Только, чур, я считаю!

И мы стали считаться:

— Заяц-белый-куда-бегал-в-лес-дубовый-чего-делал-лыки-драл-куда-клал-под-колоду-кто-укра-л-Спирит-дон-Мор-дель-он-тиниль-виниль-выйди-вон!

Мишке вышло выйти вон. Он, конечно, постарше и Костика и Андрюшки, но глаза у него стали такие печальные, что не ему лететь, просто ужас!

Я сказал:

— Мишка, ты в следующий полёт полетишь безо всякой считалки, ладно?

А он сказал:

— Давай садись!

Что ж, ничего не поделаешь, мне ведь по-честному досталось. Мы с ним считались, и он сам считал, а мне выпало, тут уж ничего не поделаешь. И я сразу полез в бочку. Там было темно и тесно, особенно мне мешала вторая ступенька. Из-за неё нельзя было спокойно лежать, она впивалась в бок. Я хотел повернуться и лечь на живот: но тут же треснулся головой о бак, он впереди торчал. Я подумал, что, конечно, космонавту трудно сидеть в кабине, потому что аппаратуры очень много, даже чересчур! Но всё-таки я приспособился, и свернулся в три погибели, и лёг, и стал ждать запуска.

И вот слышу — Мишка кричит:

— Подготовься! Смирнаа! Запускатель, не ковырай в носу! Иди к моторам.

И сразу Андрюшкин голос:

— Есть к моторам!

И я понял, что скоро запуск, и стал лежать дальше.

И вот слышу — Мишка опять командует:

— Главный Зажигатель! Готовься! Зажж...

И сразу я услышал, как Костик завозился со своим спичечным коробком и, кажется, не может от волнения достать спичку, а Мишка, конечно, растягивает команду, чтобы всё вместе совпало — и Костикина спичка и его команда. Вот он и тяплет:

— Зажж...

И я подумал: ну, сейчас! И даже сердце заколотилось! А Костик всё ещё брякает спичками. Мне ясно представилось, как у него руки трясутся и он не может ухватить спичку.

А Мишка своё:

— Зажж... Давай же, вахля несчастная! Зажжж...

И вдруг я ясно услышал: чирк!

И Мишкин радостный голос:

— ...жжи-гай! Зажигай!

Я глаза зажмурил, съёжился и приготовился лететь. Вот было бы здорово, если б это вправду, все бы с ума посходили, и я ещё сильнее зажмурил глаза. Но ничего не было: ни взрыва, ни толчка, ни огня, ни дыму — ничего. И это наконец мне надосело, и я заорал из бочки:

— Скоро там, что ли? У меня весь бок отлежался — ност!

И тут ко мне в ракету залез Мишка. Он сказал:

— Заело. Бикфордов шнур отказал.

Я чуть ногой не лягнул его от злости:

— Эх, вы, инженеры называются! Простую ракету запустить не можете! А ну, давайте я!

И я вылез из ракеты. Андрюшка и Костик возились со шнуром, и у них ничего не выходило. Я сказал:

— Товарищ Мишка! Снимите с работы этих дураков! Я сам!

И подошёл к самоварной трубе и первым делом начисто оторвал ихний мамин бикфордов поясок. Я им крикнул:

— А ну, разойдитесь! Живо!

И они все разбежались кто куда. А я запустил руку в трубу, и снова там всё перемешал, и бенгальские огоньки уложил сверху. Потом я зажёл спичку и сунул её в трубу. Я закричал:

— Держитесь!

И отбежал в сторону. Я и не думал, что будет что-нибудь особенное, ведь там, в трубе, ничего такого не было. Я хотел сейчас во весь голос крикнуть: «Бух, таррарах!» — как будто это взрыв, чтобы играть дальше. И я уже набрал воздуха и хотел крикнуть погромче, но в это время в трубе что-то ка-ак свистнет да ка-ак даст! И труба отлетела от второй ступени, и стала подлетать, и падать, и дым!.. А потом как бабахнет! Ого! Это, наверно, шутихи там сработали, не знаю, или Мишкин порошок! Бах! Бах! Бах! Я, наверно, от этого баханья немножко струсил, потому что я увидел перед собою дверь, и решил в неё убежать, и открыл, и вошёл в эту дверь, но это оказалась не дверь, а окно, и я прямо как вбежал в него, так оступился и упал прямо в наше домоуправление. Там за столом сидела Зипаида Ивановна, и она на машинке считала, кому сколько за квартиру платить. А когда она меня увидела, она, наверно, не сразу меня узнала, потому что я запачканный был, прямо из грязной бочки, лохматый и даже кое-где порванный. Она просто обомлела, когда я упал к ней из окна, и она стала обеими руками от меня отмахиваться. Она кричала:

— Что это? Кто это?

И наверно, я здорово смахивал на чёрта или на

какое-нибудь подземное чудовище, потому что она совсем потеряла рассудок и стала кричать на меня так, как будто я был имя существительное среднего рода.

— Пошло вон! Пошло вон отсюда! Вон пошло!

А я встал на ноги, прижал руки по швам и вежливо ей сказал:

— Здравствуйте, Зинаида Иванна! Не волнуйтесь, это я!

И стал потихоньку пробираться к выходу. А Зинаида Ивановна кричала мне вдогонку:

— А, это Денис! Хорошо же!.. погоди!.. Ты у меня узнаешь!.. Всё расскажу Алексею Акимычу!

И у меня от этих криков очень испортилось настроение. Потому что Алексей Акимыч — наш управдом. И он меня к маме отведёт, и папе нажалуется, и будет мне плохо. И я подумал, как хорошо, что его не было в домоуправлении и что мне, пожалуй, всё-таки денька два-три надо не попадаться ему на глаза, пока всё уладится. И тут у меня опять стало хорошее настроение, и я бодро-весело вышел из домоуправления. И как только я очутился во дворе, я сразу увидел целую толпу наших ребят. Они бежали и галдели, а впереди них довольно резво бежал Алексей Акимыч. Я страшно испугался. Я подумал, что он увидел нашу ракету, как она лежит взорванная, и, может быть, проклятая труба побила окна или ещё что-нибудь, и вот он теперь бежит разыскивать виноватого и ему кто-нибудь сказал, что это я главный виноватый и вот он меня увидел, я прямо торчал перед ним, и сейчас он меня схватит! Я это всё подумал в одну секунду, и, пока я всё это додумывал, я уже бежал от Алексея Акимыча во всю мочь, но через плечо увидел, что он припустился за мной со всех ног, и я тогда побежал мимо садика, и направо, и бежал вокруг грибка, но

Алексей Акимыч кинулся ко мне наперерез и прямо в брюках прошлёпал через фонтан, и у меня сердце упало в пятки, и тут он меня ухватил за рубашку. И я подумал: всё, конец. А он перехватил меня двумя руками под мышки и как подкинет вверх! А я терпеть не могу, когда меня за подмышки поднимают: мне от этого щекотно, и я корчусь как не знаю кто и вырываюсь. И вот я гляжу на него сверху и корчусь, а он смотрит на меня и вдруг заявляет ни с того ни с сего:

— Кричи «ура»! Ну! Кричи сейчас же «ура»!

И тут я ещё больше испугался: я подумал, что он с ума сошёл. И что, пожалуй, не надо с ним спорить, раз он сумасшедший. И я крикнул не слишком-то громко:

— Ура!.. А в чём дело-то?

И тут Алексей Акимыч поставил меня наземь и говорит:

— А в том дело, что сегодня второго космонавта запустили! Товарища Германа Титова! Ну, что, не ура, что ли?

Тут я как закричу:

— Конечно, ура! Ещё какое ура-то!

Я так крикнул, что голуби вверх шарахнулись. А Алексей Акимыч улыбнулся и пошёл в своё домоуправление.

А мы всей толпой побежали к громкоговорителю и целый час слушали, что передавали про товарища Германа Титова, и про его полёт, и как он ест, и всё, всё, всё. А когда в радио наступил перерыв, я сказал:

— А где же Мишка?

И вдруг слышу:

— Я вот он!

И правда, оказывается, он рядом стоит. Я в такой горячке был, что его и не заметил. Я сказал:

— Ты где был?

— Я тут. Я всё время тут.

Я спросил:

— А как наша ракета? Взорвалась небось на тысячи кусков?

А Мишка:

— Что ты! Целёхонька! Это только труба так тарахтела. А ракета, что ей сделается? Стоит как ни в чём не бывало!

— Бежим посмотрим?

И когда мы прибежали, я увидел, что всё в порядке, всё цело и можно играть ещё сколько угодно. Я сказал:

— Мишка, а теперь два, значит, космонавта?

Он сказал:

— Ну да. Гагарин и Титов.

А я сказал:

— Они, наверно, друзья?

— Конечно,— сказал Мишка,— ещё какие друзья!

Тогда я положил Мишке руку на плечо. У него узкое было плечо и тонкое. И мы с ним постояли смиренно и помолчали, а потом я сказал:

— И мы с тобой друзья, Мишка. И мы с тобой вместе полетим в следующий полёт.

И тогда я подошёл к ракете, и нашёл краску, и дал её Мишке, чтобы он подержал. И он стоял рядом, и держал краску, и смотрел, как я рисую, и сопел, как будто мы вместе рисовали. И я увидел ещё одну ошибку и тоже исправил, и когда я закончил, мы отошли с ним на два шага назад и посмотрели, как красиво было написано на нашем чудесном корабле «ВОСТОК-3».

И МЫ!..

Мы как только узнали, что наши небывалые герои в космосе называют друг друга Сокол и Беркут, так сразу порешили, что я теперь буду Беркут, а Мишка — Сокол. Потому что всё равно мы будем учиться на космонавтов, а Сокол и Беркут такие красивые имена! И ещё мы решили с Мишкой, что до тех пор, пока нас примут в космонавтскую школу, мы будем с ним понемножку закаляться как сталь. И как только мы это решили, я пошёл домой и стал закаляться.

Я залез под душ и пустил сначала тёпленькой водички, а потом, наоборот, поддал холодной. И я её довольно легко перетерпел. Тогда я подумал, что раз дело идёт так хорошо, надо, пожалуй, подзакалиться чуточку получше и пустил ледянистую струю. Ого-го! У меня сразу вжался живот, и я покрылся пупырышками.

И так постоял с полчаса или минут пять и здорово закалился! И когда я потом одевался, то вспомнил, как бабушка читала стихи про одного мальчишку, как он посишел и весь дрожал.

А после обеда у меня потекло из носу, и я стал чихать.

Мама сказала:

— Вышей аспирину и завтра будешь здоров. Ложись-ка! На сегодня всё!

И у меня сейчас же испортилось настроение. Я чуть было не заревел, но в это время под окошком раздался крик:

— Бе-еркут!.. А Беркут!.. Да Беркут же!..

Я подбежал к окошку, высунулся, а там Мишка!

Я сказал:

— Чего тебе, Сокол?

А он:

— Давай выходи на орбиту!

Это во двор, значит. Я ему говорю:

— Мама не пускает. Я простудился!

А мама потянула меня за ноги и говорит:

— Не высовывайся так далеко! Упадёшь! С кем это ты?

Я говорю:

— Ко мне друг пришёл. Небесный брат. Близнец!
А ты мешаешь!

Но мама сказала железным голосом:

— Не высовывайся!

Я говорю Мишке:

— Мне мама не велит высовываться...

Мишка немножко подумал, а потом обрадовался:

— Не велит высовываться, и правильно. Это будет у тебя испытание на не-вы-со-вы-ва-е-мость!

Тогда я всё-таки немножко высунулся и сказал ему тихонько:

— Эх, Сокол ты мой, Сокол! Мне тут, может, сутки безвыходно торчать!

А Мишка опять всё по-своему перевернул:

— И очень хорошо! Прекрасная тренировка! Закрой глаза и лежи как в сурдокамере!

Я говорю:

— Вечером я с тобой установлю телефонную связь.

— Ладно,— сказал Мишка,— ты устанавливай со мной, а я — с тобой.

И он ушёл.

А я лёг на папин диван и закрыл глаза и тренировался на молчание. Потом встал и сделал зарядку. Потом понаблюдал в иллюминатор неведомые миры, а потом пришёл папа, и я принял ужин из натуральных продуктов. Самочувствие было превосходное. Я принёс и разложил раскладушку.

Папа сказал:

— Что так рано?

А я сказал со значением:

— Вы как хотите, а я буду спать.

Мама положила мне руку на лоб и сказала:

— Ребёнок заболел!

А я ничего ей не сказал. Если они не понимают, что это всё тренировка на космонавта, то зачем объяснять? Не стоит. Потом сами узнают, из газет, когда их благодарить будут за то, что воспитали такого сына, как я!

Пока я думал, прошло довольно много времени, и я вспомнил, что пора налаживать телефонную связь с Мишкой.

Я вышел в коридор и набрал номер. Мишка подошёл сразу, только у него был какой-то чересчур толстый голос:

— Нда-нда! Говорите!

Я сказал:

— Сокол, это ты?

А он:

— Что-что?

И опять:

— Сокол, это ты или нет? Это Беркут! Как дела?

Он засмеялся, посопел и говорит:

— Очень остроумно! Ну, довольно разыгрывать.

Сонечка, это вы?

Я говорю:

— Какая там ещё Сонечка, это Беркут! Ты что, обалдел?

А он:

— Кто это? Что за выражения? Хулиганство!
Кто это говорит?

Я сказал:

— Это никто не говорит!

И повесил трубку. Наверно, я не туда попал. Тут папа позвал меня, и я вернулся в комнату, разделся и лёг. И только стал задрёмывать, вдруг: зззззз! Телефон! Папа вскочил и выбежал в коридор, и, пока я нашаривал тапочки, я слышал его серьёзный голос:

— Беркутова? Какого Беркутова? Здесь такого нет! Набирайте внимательно!

Я сразу понял, что это Мишка! Это связь! Я выбежал в коридор прямо в чём мать родила, в одних трусиках.

— Это меня, меня! Это я Беркут!

Папа сейчас же отдал мне трубку, и я закричал:

— Это Сокол? Это Беркут! Слушаю вас!

А Мишка:

— Докладывай, чем занимаешься!

Я говорю:

— Я сплю!

А Мишка:

— Я тоже! Я уже почти совсем заснул, да вспомнил одно важное дело. Беркут, слушай! Перед сном надо спеть! Вдвоём! На пару! Чтобы у нас получился космический дуэт!

Я прямо подпрыгнул:

— Молодец, Сокол! Давай любимую космонавтскую! Подпевай!

И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может. Я по громкости первый в нашем хоре. И вот когда я запел, сейчас же изо всех дверей стали высыпать соседи, они кричали: «Безобразие... Что случилось... Уже поздно. Распустились... Здесь коммунальная квартира... Я думала, поросёнка режут...», но папа им сказал:

— Это небесные близнецы, Сокол и Беркут, поют перед сном!

И тогда все замолчали.

А мы с Мишкой допели до конца:

...На пыльных тропинках далёких планет
Останутся наши следы!

СТАРЫЙ МОРЕХОД

Марья Петровна часто ходит к нам чай пить. Она вся такая полная, платье на неё натянуто тесно, как наволочка на подушку. У неё в ушах разные серёжки болтаются. И душитесь она чем-то сухим и сладким. Я когда этот запах слышу, так у меня сразу горло сжимается. Марья Петровна всегда как только меня увидит, так сразу начинает приставать: кем я хочу быть. Я ей уже пять раз объяснял, а она всё продолжает задавать один и тот же вопрос. Чудная. Она когда первый раз к нам пришла, на дворе была весна, деревья все распустились, и в окна пахло зеленью, и, хотя был уже вечер, всё равно было светло. И вот мама стала меня посылать спать, и, когда я не хотел ложиться, эта Марья Петровна вдруг говорит:

— Будь умницей, ложись спать, а в следующее воскресенье я тебя на дачу возьму, на Клязьму. Мы на электричке поедем. Там речка есть и собака, и мы на лодке покатаемся все втроём.

И я сразу лёг, и укрылся с головой, и стал думать о следующем воскресенье, как я поеду на дачу, и пробежусь босиком по траве, и увижу речку, и, может быть, мне дадут погрести, и уключины будут звенеть, и вода будет булькать, и с вёсел в воду будут стекать капли, прозрачные, как стекло. И я подружусь там с собачонкой, Жучкой или Тузиком, и буду смотреть

в его жёлтые глаза, и потрогаю его язык, когда он его высунет от жары.

И я так лежал, и думал, и слышал смех Марьи Петровны, и незаметно заснул, и потом целую неделю, когда ложился спать, думал всё то же самое. И когда наступила суббота, я почистил ботинки и зубы, и взял свой перочинный ножик, и наточил его о плиту, потому что мало ли какую я палку себе вырежу, может быть, даже ореховую.

А утром я встал раньше всех, и оделся, и стал ждать Марью Петровну. Папа, когда позавтракал и прочитал газеты, сказал:

— Пошли, Дениска, на Чистые, погуляем!

— Что ты, папа! А Марья Петровна? Она сейчас приедет за мной, и мы отправимся на Клязьму. Там собака и лодка. Я её должен подождать.

Папа помолчал, потом посмотрел на маму, потом пожал плечами и стал пить второй стакан чаю. А я быстро дозавтракал и вышел во двор. Я гулял у ворот, чтобы сразу увидеть Марью Петровну, когда она придёт. Но её что-то долго не было. Тогда ко мне подошёл Мишка, он сказал:

— Слазим на чердак! Посмотрим, родились голубята или нет...

— Понимаешь, не могу... Я на денёк в деревню уезжаю. Там собака есть и лодка. Сейчас за мной одна тётенька приедет, и мы поедем с ней на электричке.

Тогда Мишка сказал:

— Вот это да! А может, вы и меня захватите?

Я очень обрадовался, что Мишка тоже согласен ехать с нами, всё-таки мне с ним куда интереснее будет, чем только с одной Марьей Петровной. Я сказал:

— Какой может быть разговор! Конечно, мы тебя

возьмём, с удовольствием! Марья Петровна добрая, чего ей стоит!

И мы стали вдвоём ждать с Мишкой. Мы вышли в переулок и долго стояли и ждали, и когда появлялась какая-нибудь женщина, Мишка обязательно спрашивал:

— Эта?

И через минуту снова:

— Вон та?

Но это всё были незнакомые женщины, и нам стало скучно, и мы устали так долго ждать.

Мишка рассердился и сказал:

— Мне надоело!

И ушёл.

А я ждал. Я хотел её дождаться. Я ждал до самого обеда. Во время обеда папа опять сказал, как будто между прочим:

— Так идёшь на Чистые? Давай решай, а то мы с мамой пойдём в кино!

Я сказал:

— Я подожду. Ведь я обещал ей подождать. Не может она не прийти.

Но она не пришла. А я не был в этот день на Чистых прудах и не посмотрел на голубей, и папа, когда пришёл из кино, велел мне уходить от ворот. Он обнял меня за плечи и сказал, когда мы шли домой:

— Это всё ещё будет в твоей жизни. И трава, и речка, и лодка, и собака... Всё будет, держи нос повыше!

Но я, когда лёг спать, я всё равно стал думать про деревню, лодку и собачонку, только как будто я там не с Марьей Петровной гуляю, а с Мишкой и с папой или с Мишкой и мамой. И время потекло, оно проходило, и я почти совсем забыл про Марью Петровну, как вдруг однажды, пожалуйста! Дверь растворяется,

и она входит собственной персоной. И серёжки в ушах звяк-звяк, и с мамой чмок-чмок, и на всю квартиру пахнет чем-то сухим и сладким, и все садятся за стол и начинают пить чай. Но я не вышел к Марье Петровне, я сидел за шкафом, потому что я сердился на Марию Петровну.

А она сидела как ни в чём не бывало, вот что было удивительно! И когда она напилась своего любимого чаю, она вдруг ни с того ни с сего заглянула за шкаф и схватила меня за подбородок.

— Ты что такой угрюмый?

— Ничего, — сказал я.

— Давай вылезай, — сказала Марья Петровна.

— Мне и здесь хорошо! — сказал я.

Тогда она захохотала, и всё на ней брякало от смеха, а когда отсмеялась, сказала:

— А чего я тебе подарю...

Я сказал:

— Ничего не надо!

Она сказала:

— Саблю не надо?

Я сказал:

— Какую?

— Будённовскую. Постоящую. Кривую.

Вот это да! Я сказал:

— А у вас есть?

— Есть, — сказала она.

— А она вам не нужна? — спросил я.

— А зачем? Я женщина, военному делу не училась, зачем мне сабля? Лучше я тебе её подарю.

И было видно по ней, что ей нисколько не жаль сабли. Я даже поверил, что она и на самом деле добрая. Я сказал:

— А когда?

— Да завтра,— сказала она.— Вот завтра придёшь после школы, а сабля — здесь. Вот здесь, я её тебе прямо на кровать положу.

— Ну ладно,— сказал я и вылез из-за шкафа, и сел за стол и тоже пил с ней чай, и проводил её до дверей, когда она уходила.

И на другой день в школе я еле досидел до конца уроков и побежал домой сломя голову. Я бежал и размахивал рукой — в ней у меня была невидимая сабля, и я рубил и колот фашистов, и защищал чёрных ребят в Африке, и перерубил всех врагов Кубы. Я из них прямо капусты нарубил. Я бежал, а дома меня ждала сабля, настоящая будённовская сабля, и я знал, что, в случае чего, я сразу запишусь в добровольцы, и, раз у меня есть собственная сабля, меня обязательно примут. И когда я вбежал в комнату, я сразу бросился к своей раскладушке. Сабли не было. Я посмотрел под подушку, пошарил под одеялом и заглянул под кровать. Сабли не было. Не было сабли. Марья Петровна не сдержала слова. И сабли не было нигде. И не могло быть.

Я подошёл к окну. Мама сказала:

— Может быть, она ещё придёт?

Но я сказал:

— Нет, мама, она не придёт. Я так и знал.

Мама сказала:

— Зачем же ты под раскладушку-то лазил?..

Я объяснил ей:

— Я подумал: а вдруг она была? Понимаешь?

Вдруг. На этот раз.

Мама сказала:

— Понимаю. Иди поешь.

И она подошла ко мне. А я поел и снова встал у окна. Мне не хотелось идти во двор.

А когда пришёл папа, мама ему всё рассказала,

и он подозвал меня к себе. Он снял со своей полки какую-то книгу и сказал:

— Давай-ка, брат почитаем чудесную книжку про собаку. Называется «Майкл — брат Джерри». Джек Лондон написал.

И я быстро устроился возле папы, и он стал читать. Он хорошо читает, просто здорово! Да и книжка была ценная. Я в первый раз слушал такую интересную книжку. Приключения собаки. Как её украл один боцман. И они поехали на корабле искать клады. А корабль принадлежал трём богачам. Дорогу им указывал Старый Мореход, он был больной и одиноким старик, он говорил, что знает, где лежат несметные сокровища, и обещал этим трём богачам, что они получают каждый целую кучу алмазов и брильянтов, и эти богачи за эти обещания кормили Старого Морехода. А потом вдруг выяснилось, что корабль не может доехать до места, где клады, из-за нехватки воды. Это тоже подстроил Старый Мореход. И пришлось богачам ехать обратно не солоно хлебавши. Старый Мореход этим обманом добывал себе пропитание, потому что он был израненный бедный старик.

И когда мы окончили эту книжку и снова стали её всю вспоминать, с самого начала, папа вдруг засмеялся и сказал:

— А этот-то хорош, Старый Мореход! Да он просто обманщик, вроде твоей Марьи Петровны.

Но я сказал:

— Что ты, папа! Совсем не похоже. Ведь Старый Мореход обманывал, чтобы спасти свою жизнь. Ведь он же одинокий был, больной. А Марья Петровна? Разве она больная?

— Здоровая,— сказал папа.

— Ну да,— сказал я.— Ведь если бы Старый Мореход не врал, он бы умер, бедняга, где-нибудь

в порту, прямо на голых камнях, между ящиками и тюками, под ледяным ветром и проливным дождём. Ведь у него не было крова над головой! А у Марьи Петровны чудесная комната — восемнадцать метров со всеми удобствами. И сколько у неё серёжек, побрякушек и цепочек!

— Потому что она мещанка,— сказал папа.

И я хотя и не знал, что такое мещанка, но я понял по папиному голосу, что это что-то скверное, и я ему сказал:

— А Старый Мореход был благородный: он спас своего больного друга, боцмана,— это раз. И ты ещё подумай, папа, ведь он обманывал только проклятых богачей, а Марья Петровна — меня. Объясни, зачем она меня-то обманывает? Разве я богач?

— Да забудь ты,— сказала мама,— не стоит так переживать!

А папа посмотрел на неё и покачал головой и замолчал. И мы лежали вдвоём на диване и молчали, и мне было тепло рядом с ним, и я захотел спать, но перед самым сном я всё-таки подумал:

«Нет, эту ужасную Марию Петровну нельзя даже и сравнивать с таким человеком, как мой милый, добрый Старый Мореход!»

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке.

И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пёс.

Я люблю также смотреть телевизор: всё равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У неё весёлые глазки, и маленькие рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной. Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уйди-уйди!».

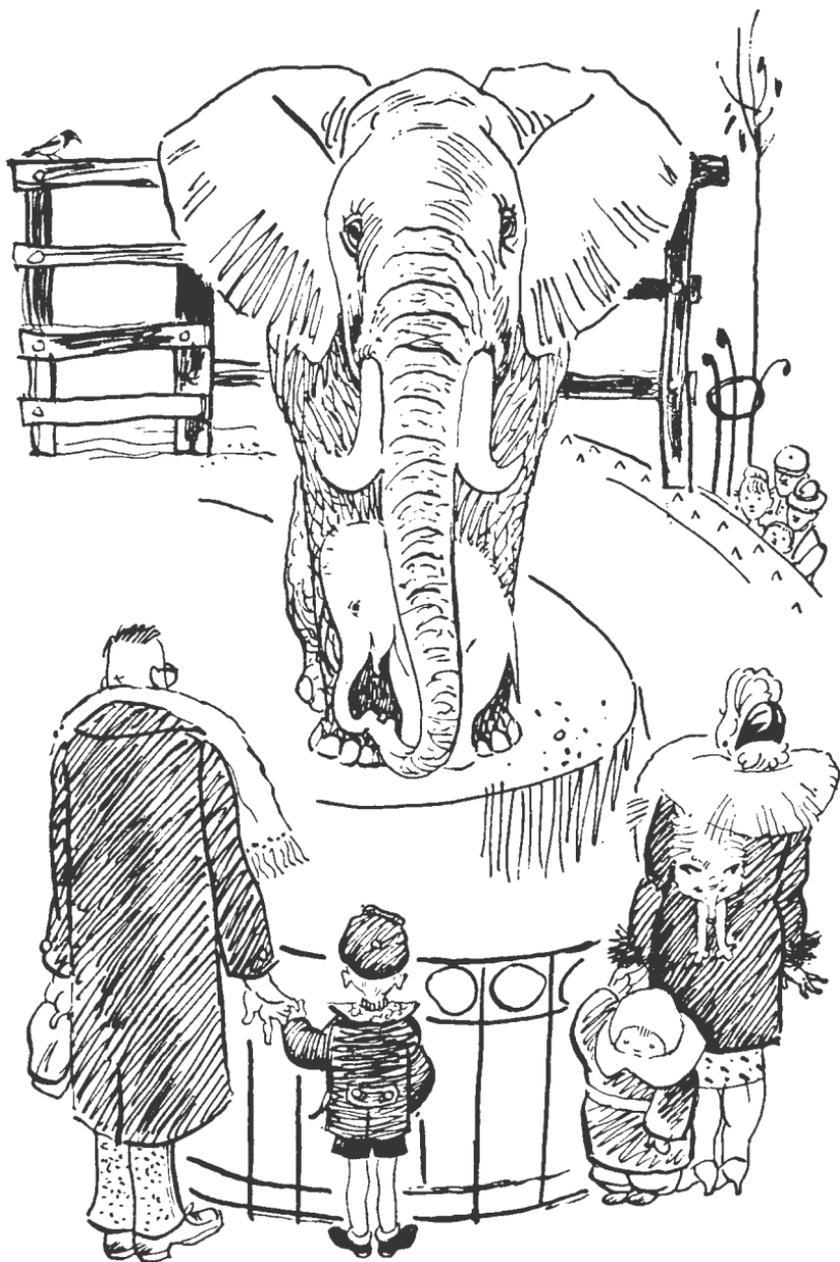
Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и царь-пушку. Всё это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или ещё что-нибудь.

Я люблю гостей.

Ещё очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах. Я люблю, чтобы жук лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда

бабушка кричит про лягушонка: «Уберите эту гадость!» — и убегает из комнаты.

Я люблю посмеяться... Иногда мне несколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех — смотришь, через пять минут и вправду становится смешно.

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

— Ты что скачешь?

А я сказал:

— Я скачу, что ты мой папа!

Он понял!

Я люблю ходить в зоопарк. Там чудесные слоны. И есть один слонёнок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слонёнка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе — есть мороженое и запивать его газированной водой. От неё колет в носу, и слёзы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

...И ЧЕГО НЕ ЛЮБЛЮ!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Ещё не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихи.

Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр.

Терпеть не могу яйца всмятку, когда их взбалтывают в стакане, накрошат туда хлеба и заставляют есть.

Еще не люблю, когда мама идёт со мной погулять и вдруг встречает тётю Розу!

Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме — я в нём как деревянный.

Когда мы играем в красных и белых, я не люблю быть белым. Тогда я выхожу из игры, и всё! А когда я бываю красным, не люблю попадать в плен. Я всё равно убегаю.

Не люблю, когда у меня выигрывают.

Не люблю, когда день рождения, играть в «каравай»: я не маленький.

Не люблю, когда ребята задаются.

И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок — мазать палец йодом.

Я не люблю, что у нас в коридоре тесно и взрослые каждую минуту снуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чайником, и кричат:

— Дети, не вертитесь под ногами! Осторожно, у меня горячая кастрюля!

А когда я ложусь спать, не люблю, чтобы в соседней комнате пели хором:

Ландыши, ландыши...

Очень не люблю, что по радио мальчишки и девочки говорят старушечьими голосами!..

ПРОФЕССОР КИСЛЫХ ЩЕЙ

Мой папа не любит, когда я мешаю ему читать газеты. Но я про это всегда забываю, потому что мне очень хочется с ним поговорить. Ведь он же мой единственный отец! Мне всегда хочется с ним поговорить.

Вот он раз сидел и читал газету, а мама пришивала мне воротник к куртке.

Я сказал:

— Пап, а ты знаешь, сколько в озеро Байкал можно напихать Азовских морей?

Он сказал:

— Не мешай...

— Девяносто два! Здорово?

Он сказал:

— Здорово. Не мешай, ладно?

И снова стал читать.

Я сказал:

— Ты художника Эль Греко знаешь?

Он кивнул. Я сказал:

— Его настоящая фамилия Доменико Теотокопули! Потому что он грек с острова Крит. Вот этого художника испанцы и прозвали Эль Греко!.. Интересные дела. Кит, например, папа, за пять километров слышит!

Папа сказал:

— Помолчи хоть немного... Хоть пять минут...

Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо выскакивали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было поменьше, может быть, мне легче было бы перетерпеть, и я бы помолчал, но их было много, и поэтому я ничего не мог с собой поделать.

Я сказал:

— Папа! Ты не знаешь самую главную новость: на Больших Зондских островах живут маленькие буйволы. Они, папа, карликовые. Называются кентусы. Такого кентуса можно в чемодане привезти!

— Ну да? — сказал папа. — Просто чудеса! Дай спокойно почитать газету, ладно?

— Читай, читай, — сказал я, — читай, пожалуйста! Понимаешь, папа, выходит, что у нас в коридоре может пастись целое стадо таких буйволов!.. Ура?

— Ура, — сказал папа. — Замолчишь, нет?

— А солнце стоит не в центре неба, — сказал я, — а сбоку!

— Не может быть, — сказал папа.

— Даю слово, — сказал я, — оно стоит сбоку! Сбоку припёка.

Папа посмотрел на меня туманными глазами. Потом глаза у него прояснились, и он сказал маме:

— Где это он нахватался? Откуда? Когда?

Мама улыбнулась:

— Он современный ребёнок. Он читает, слушает радио. Телевизор. Лекции. А ты как думал?

— Удивительно, — сказал папа, — как это быстро всё получается.

И он снова укрылся за газетой, а мама его спросила:

— Чем это ты так зачитался?

— Африка, — сказал папа. — Кипит! Конец колониализму!

— Ещё не конец! — сказал я.

— Что? — спросил папа.

Я подлез к нему под газету и встал перед ним.

— Есть ещё зависимые страны, — сказал я. — Много ещё есть зависимых.

Он сказал:

— Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор... кислых щей!

И он засмеялся, и мама вместе с ним. Она сказала:

— Ну ладно, Дениска, иди погуляй.— Она протянула мне куртку и подтолкнула меня: — Иди, иди!

Я пошёл и спросил у мамы в коридоре:

— А что такое, мама, профессор кислых щей? В первый раз слышу такое выражение! Это он меня в насмешку так назвал — кислых щей? Это обидное?

Но мама сказала:

— Что ты, это несколько не обидное. Разве папа может тебя обидеть? Это он, наоборот, тебя похвалил!

Я сразу успокоился, раз он меня похвалил, и пошёл гулять. А на лестнице я вспомнил, что мне надо проведать Алёнку, а то все говорят, что она заболела и ничего не ест. И я пошёл к Алёнке. У них сидел какой-то дяденька, в синем костюме и с белыми руками. Он сидел за столом и разговаривал с Алёнкиной мамой. А сама Алёнка лежала на диване и приклеивала лошади ногу. Когда Алёнка меня увидела, она сразу заорала:

— Дениска пришёл! Ого-го!

Я вежливо сказал:

— Здравствуйте! Чего орёшь, как дура?

И сел к ней на диван. А дяденька с белыми руками встал и сказал:

— Значит, всё ясно! Воздух, воздух и воздух. Ведь она вполне здоровая девочка!

И я сразу понял, что это доктор.

Алёнкина мама сказала:

— Большое спасибо, профессор! Большое спасибо, профессор!

И она пожала ему руку. Видно, это был такой хороший доктор, что он всё знал, и его называли за это «профессор».

Он подошёл к Алёнке и сказал:

— До свидания, Алёнка, выздоравливай.

Она покраснела, высунула язык, отвернулась к стенке и оттуда прошептала:

— До свидания...

Он погладил её по голове и повернулся ко мне:

— А вас как зовут, молодой человек?

Вот он какой был славный: на «вы» меня называл!

— Я Денис Кораблёв! А вас как зовут?

Он взял мою руку своей белой большой и мягкой рукой. Я даже удивился, какая она мягкая. Ну прямо шёлковая.

«ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ГДЕ ЭТО СЛЫХАНО...»

На переменке подбежала ко мне наша октябрятская вожатая Люся и говорит:

— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

— Я всё хочу! Только ты объясни: что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки... Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить. Понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них действует отрезвляюще.

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто лентяи.

— Это так говорится: «отрезвляюще», — засмеялась Люся. — А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они исправятся. По-

нял? Ну, в общем, не тяни: хочешь — соглашайся, не хочешь — отказывайся!

Я сказал:

— Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнёр?

— Нету.

Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живёшь?

— Товарищ у меня есть, Мишка. А партнёра нету.

Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

— Нет, обыкновенный.

— Петь умеет?

— Очень тихо. Но я научу его петь громче, не беспокойся.

Тут Люся обрадовалась:

— После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

— Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:

— погоди, дай поесть.

Я стоял и смотрел, как он ест. Сам маленький, а сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезая, и шкурка трещала и лопалась, когда он её кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок.

И я не выдержал и сказал тёте Кате:

— Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее!

И тётя Катя сразу протянула мне мисочку. И я

очень торопился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку: мне одному не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже, не чистя, стал грызть её, и из неё брызгал горячий пахучий сок. И мы с Мишкой так грызли на пару, и обжигались, и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал на ренетицию.

Там уже сидела наша вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвёртого, очень некрасивый, с маленькими ушами и большими глазами.

Люся сказала:

— Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

Мы сказали:

— Здорóво!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

А поэт сказал Люсе:

— Это что, исполнители, что ли?

— Да.

Он сказал:

— Неужели ничего не было покрупней?

Люся сказала:

— Как раз то, что требуется!

Но тут пришёл наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошёл к роялю:

— Ну-с, начинаем! Где стихи?

Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:

— Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке: «Где это видано, где это слыхано...»

Борис Сергеевич кивнул головой:
— Читай вслух!
Андрюшка стал читать:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.
Где это видано, где это слыхано,—
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Мы с Мишкой так и прыснули. Конечно, ребята довольно часто просят родителей решить за них задачу, а потом показывают учительнице, как будто это они такие герои. А у доски ни бум-бум — двойка! Дело известное. Ай да Андрюшка, здорово прохватил!
А Андрюшка читает дальше, так тихо и серьёзно:

Мелом расчерчен асфальт на квадратики,
Манечка с Танечкой прыгают тут.
Где это видано, где это слыхано,—
В «классы» играют, а в класс не идут?!

Опять здорово. Нам очень понравилось! Этот Андрюшка просто настоящий молодец, вроде Пушкина!
Борис Сергеевич сказал:

— Ничего, неплохо! А музыка будет самая простая, вот что-нибудь в этом роде.— И он взял Андрюшкины стихи и, тихонько наигрывая, пропел их все подряд.

Получилось очень ловко, мы даже захлопали в ладоши.

А Борис Сергеевич сказал:

— Нуте-с, кто же наши исполнители?

А Люся показала на нас с Мишкой:

— Вот!

— Ну что ж,— сказал Борис Сергеевич,— у Ми-

ши хороший слух... Правда, Дениска поёт не очень-то верно.

Я сказал:

— Зато громко.

И мы начали повторять эти стихи под музыку и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко орал, и все меня успокаивали и делали замечания:

— Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не падо так громко!

Особенно горячился Андрюшка. Он меня совсем затормошил. Но я пел только громко, я не хотел петь потише, потому что настоящее пение — это именно когда громко!

...И вот однажды, когда я пришёл в школу, я увидел в раздевалке объявление:

ВНИМАНИЕ!

Сегодня на большой перемене
в малом зале состоится выступление
летучего патруля
«Пионерского Сатирикона»!
Исполняет дуэт малышкой!
На злобу дня!
Приходите все!

Во мне сразу что-то ёкнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно.

Я сказал:

— Ну, сегодня выступаем!

А Мишка вдруг проямлил:

— Неохота мне выступать...

Я прямо оторопел. Как — неохота. Вот так раз! Ведь мы же репетировали? А как же Люся и Борис

Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегут как один? Я сказал:

— Ты что, с ума сошёл, что ли? Людей подводить?

А Мишка так жалобно:

— У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:

— Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!

Но Мишка всё равно был какой-то задумчивый. На большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время нам навстречу выбежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы.

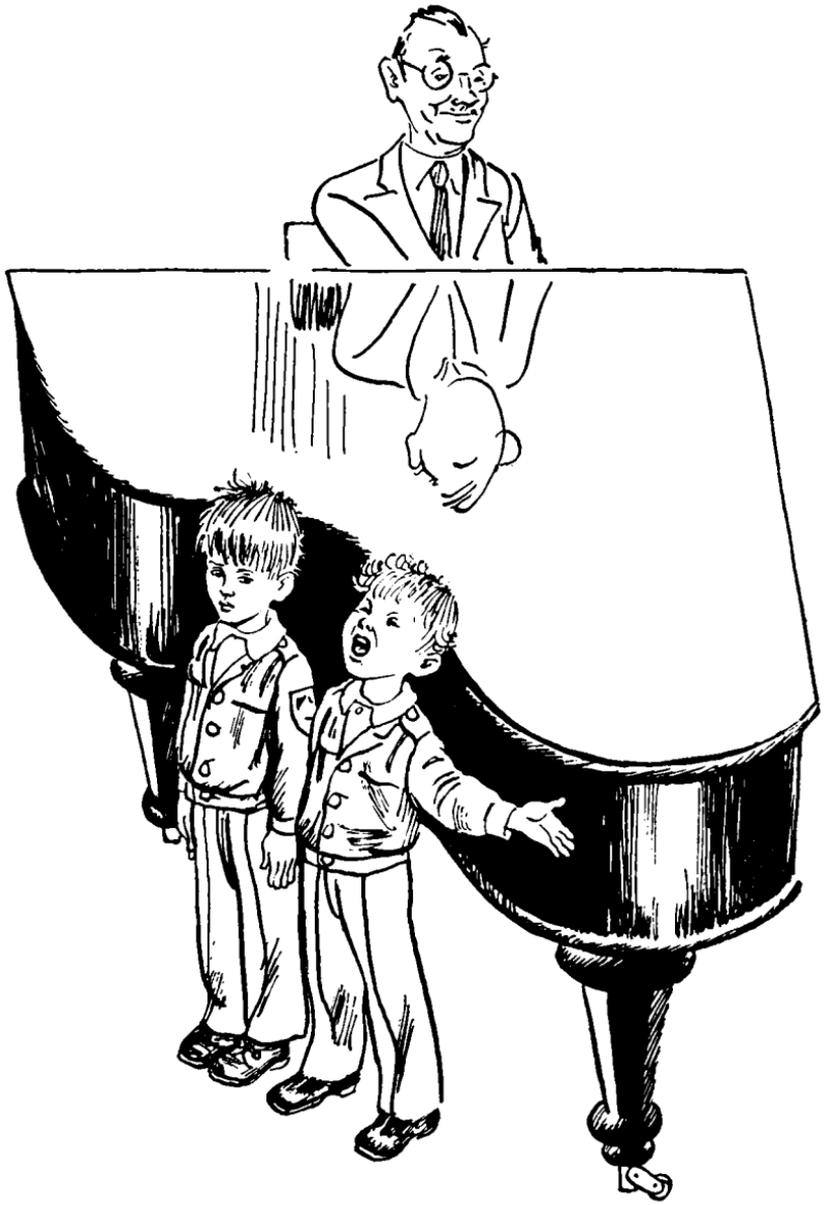
Мы с Мишкой встали около рояля.

Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила дикторским голосом:

— Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона» на злободневные темы. Текст Андрея Шестакова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишкой вышли немножко вперёд. Мишка был белый, как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но

опоздал, и, пока он собирался, наступила уже моя очередь, так выходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати!

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и отдельно начал снова.

Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвёртый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу подхватил и прокричал:

Где это видано, где это слыхано,—
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Все, кто был в зале, рассмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвёртый Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

Где это видано, где это слыхано,—
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Слава богу, в зале было тихо — все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поёт».

А музыка в это время бежала всё дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую «заело», завёл в третий раз:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжёлым, и я заорал со страшной злостью:

Где это видано, где это слышано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

— Без тебя знаю! — И вежливо говорит Борису Сергеевичу: — Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвёртом ударе заголосил как ни в чём не бывало:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и ещё увидел, что Люся, вся красная и растрёпанная, пробивается к нам сквозь толпу. А Мишка стоит с открытым ртом, как будто сам на себя удивляется. Ну, а я, пока суд да дело, докрикиваю:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Тут уж началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зелёного стал фиолетовым. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:

— Дениска, пой один! Не подводи!.. Музыка! И!..

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало всё равно, и, когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год...

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха — и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни.

Я, наверно бы, умер, если бы в это время не завопил звонок...

Не буду я больше сатириком!

ЧЕЛОВЕК С ГОЛУБЫМ ЛИЦОМ

Мы сидели возле дяди Володиной дачи на брёвнах, и папа обстругивал большенную ореховую палку для моего лука, а я в это время наващивал верёвку для тетивы.

Всё было тихо и спокойно, только в переулке тарыхтела дорожная машина, и у неё вместо колёс бы-

ло два тяжёлых катка — она делала в нашем посёлке асфальтовую дорогу.

Сиденье на этой машине помещалось очень высоко, и когда она проехала мимо нас, над нашим забором проплыла голова дорожного рабочего. Лицо у него было всё голубое, потому что у него очень сильно росла борода. Он её брил каждый день, и от этого лицо всегда было голубое. Рядом с этим голубым проплыло лицо румяной девушки, его помощницы, с красивыми чёрными глазами и длинными ресницами.

Я знал, что это рабочие поехали обедать на свою базу в Сосенки, потому что работать они начали ещё ночью, когда все ещё спали и было не жарко.

Этот дяденька с голубым лицом однажды довольно жгуче жиганул меня прутом по ногам, за то что я заводил его машину, когда он ушёл. Он тогда здорово жиганул меня, и я его не любил. Я даже боялся, как бы он не пожаловался сейчас папе, что я озорую, но он, слава богу, меня не заметил и проехал мимо.

И мы с папой сидели так рядом на брёвнышках, и я посвистывал, а папа помалкивал, и мы только улыбались друг другу, потому что нам очень нравилось жить в этом посёлке. Мы здесь гостили уже шестой день, и я подружился с соседскими ребятами, и перезнакомился со всеми собаками, и знал каждую по имени и фамилии. Мы катались на лодках, жгли костры и ходили по грибы и видели, как вдалеке полем пробежали лосиха и лосёнок.

А сегодня мы с папой собирались пострелять из лука и потом запустить змея — высоко-высоко, под самое солнце.

И пока я про всё это думал, вдруг хлопнула калитка, и к нам во двор вошёл Александр Семёныч, наш сосед, у него есть своя автомашина «Волга». Они с папой друзья.

Он сел рядом с нами и сказал:

— Беда!

— Что такое?

Александр Семёныч сказал:

— У него, видите ли, свадьба! А мне какое дело? Сегодня свадьба, завтра крестины, послезавтра именины!.. А мне как быть! Сидеть без шофёра? — Он угрозил кому-то кулаком. — У меня дела поважнее вашей свадьбы!

Папа сказал:

— Расскажите толком.

И Александр Семёныч сказал, что его шофёр Лёша решил жениться на одной своей знакомой и сегодня у него свадьба.

— Ну и пусть женится, — сказал папа, — вам-то что?

Но Александр Семёныч разгорячился.

— Мне в город нужно, — сказал он, — вот так! Понятно? — И он попилил ладонью себе горло. Мол, позарез. Но папа молчал.

— Ага, — ехидно сказал Александр Семёныч, — отмалчиваетесь? Палочки строгаете? А где чувство локтя?!

— Ведь отпуск, — сказал папа, — надо с сыном побыть.

— Никуда он не денется, — заявил Александр Семёныч и шлёпнул меня по спине. — Мы просто возьмём его с собой! Надо парню удовольствие доставить. Пусть прокатится!

И тут я наконец понял, чего он добивается. И как это я сразу не догадался? Ведь ездить-то он не умеет. Не умеет управлять своей собственной «Волгой». А папа умеет. И «Волгой», и «Победой», и «Газ-51», и какой угодно. Потому что у папы есть водительские права, он даже ездил в автопробег Москва — Хаба-

ровск. У него только машины собственной нет, а ездит он классно! И Александр Семёныч подкатывается, значит, к нам, чтобы папа отвёз его в город и обратно.

И хотя я видел, что папе не очень-то охота ехать, потому что он пригрелся на солнышке, и ему очень нравится сидеть в старых брюках около сарая и строгать потихоньку палочку, и никуда ему неохота, но сам-то я очень обрадовался, что можно будет слетать на автомобиле, и поэтому я сразу заорал:

— Поехали! Какой может быть разговор!

И Александр Семёныч вскочил как ужаленный и тоже завопил во всё горло:

— Правильно! Урра! Поехали!..

Тут папа совсем сдался и только сказал умоляюще:

— Только, как говорится, взад-назад. Быстро! Чтобы к трём быть обратно!

Александр Семёныч расхохотался и положил руку на сердце:

— К двум! — И поклялся: — Чтоб мне провалиться на этом месте! К двум часам мы будем здесь. Как штык!

И мы с папой пошли переоделись, а потом вывели машину со двора Александра Семёныча, и они сели впереди, папа за рулём. А меня отправили в заднюю кабину и защёлкнули за мной обе дверцы. И я сразу стал за папиной спиной, чтобы смотреть вперёд, на дорогу, на спидометр, на лес, на встречные машины, и чтобы воображать, что это я веду машину, я, а не папа, и что она вовсе не автомобиль, а космический корабль, а я самый первый человек, который полетел на небо, к прохладным звёздам.

И так мне интересно было ехать, и приятно, и весело! Вокруг всё было зелёное. Трава, и большие деревья, и тоненькие берёзки — всё было зелёное во-

круг. И ветер был такой сильный и тёплый и тоже пахнул зелёным.

Я стоял позади папы и посвистывал и смотрел вперёд на дорогу; она блестела как серебряная, и, если пригнуть голову, было видно, как дрожит над ней и вьётся раскалённый воздух.

И то попадалась на дороге доска — видно, грузовик обронил, — то небольшая охапка сена, и тоже было понятно, откуда она здесь, то шофёрские концы, какими руки вытирают. И получалось, что дорога как будто рассказывает, кто по ней проехал до нас с папой и Александром Семёнычем.

А сейчас мы мчались довольно быстро, спидометр показывал семьдесят, и я наконец начал играть в космический корабль. Я включил приборы, и выжимал педали, и щёлкал рычажками, и летел мимо Марса и Луны, ещё и ещё дальше, и скоро я решил, что вступил в состояние невесомости, и стал подпрыгивать, чтобы проверить, весомый я или невесомый.

Но папа сказал не оборачиваясь:

— Стой смирно!

И я опять стал смотреть вперёд. И только я посмотрел вперёд, я сразу увидел, что через дорогу идёт девочка! То есть она бежит перед самой нашей машиной. Бежит и бежит. И откуда она взялась, ведь только что её не было. Просто как будто из-под земли выскочила! Наша машина резко крутанула вправо, и страшно загудел гудок... И я успел заметить, что девочка тоже метнулась вправо, опять под машину, и тут раздался какой-то дикий визг, и лязг, и скрежет, и машину как будто кто-то дёрнул за хвост, и дальше всё пошло совершенно непонятно. Мне показалось, что через меня прошёл электрический ток, и сразу что-то жалобно зазвенело, а потом словно бы хрустнуло, и гудок непрерывно гудел, а я весь прижался

к переднему сиденью, я ухватился за него руками, локтями и грудью и вдруг увидел, что берёзки в окне упали все сразу налево, как подрезанные, а потом быстро появились снова и опять рухнули влево... и тут всё остановилось. Я стоял на четвереньках. Надо мной было открытое окно, как будто я был в подводной лодке или на дне колодца. И вдруг, сам не знаю почему, я стал карабкаться, как кошка, и вцепляться во что попало — в чехлы, в ручки, всё равно во что, — и, в общем, я моментально выскочил наружу.

Наша машина лежала под откосом на боку. У неё не было никаких стёкол. Из-под мотора вытекал небольшой дымок. Крыша была сплюснута, как старая шляпа. Машина всё время гудела. Колёса у неё вертелись, как лапки у жука, когда его перевернёшь.

Из другого окошка вылез человек. Это был Александр Семёныч. Он вылез и сразу подошёл ко мне.

Он сказал:

— Ты не знаешь, где мой левый ботинок?

И правда, одна нога у него была разута... Он взглянул на машину, схватился за голову и опять сказал:

— Не могу понять, куда девался ботинок... Поищи.

И я стал шарить в траве.

Ботинка нигде не было, а машина всё время гудела тоскливым голосом. Я не мог этого слышать, у меня мурашки бежали по затылку, и я отошёл от неё подальше.

Около края дороги остановился грузовик, из него попрыгали солдаты и побежали вниз, к нам. Один солдат заглянул в машину и замахал руками остальным:

— Там человек! Быстро!..

И солдаты схватили машину и поставили её на колёса. Она всё гудела, как будто звала. И только тут я вдруг вспомнил, что там, за рулём, сидит мой папа!

Как я мог об этом забыть! Мне стало страшно... Я побежал к машине.

Папа сидел, неудобно скрючившись, всё тело его было повернуто назад, как будто он смотрел в заднее окно. Рука его была в руле, она и нажимала на гудок. Кружок сигнала и костяной круг переплелись между собой и как капкан держали папину руку возле локтя. Рука была синяя, распухшая, и из неё лилась кровь.

Солдаты стали раздирать руль. Они открыли дверцы, и папа вышел на воздух. Он был весь белый, и глаза у него были белые, и рука висела, как будто она была от другого человека. Я подбежал к папе и встал перед ним, но он не успел меня заметить, потому что в это время на мотоцикле подскакали милиционеры.

Один из них сказал:

— Предъявите права!

Папа стоял к нему боком, и этот милиционер не видел его руки, а папа медленно и неловко полез левой рукой в правый карман и никак не мог в него залезть. Тогда я придвинулся к нему вплотную и достал права. Папа поглядел на меня. Он, как видно, только сейчас вспомнил, что я был с ним всё время. Он левой рукой схватил меня за плечо и нагнулся ко мне близко-близко. Он сказал как будто издалека:

— Это ты? — И стал трясти меня, и закричал: — Где больно? Говори!..

Я сказал:

— Нигде не больно. Я весь целый...

Папа сел на корточки и привалился к колесу. У него лицо стало мокрое. Пот бежал у него со лба толстыми каплями. Он вдруг начал сползать набок, как будто хотел прилечь. Я вцепился в его рубашку, чтобы

он не ложился на землю. Но тут к нам протиснулся человек в белом халате. Он стал перед папой на колени и сразу схватил его за правую руку.

Папа сказал:

— Ко всем чертям...

И доктор встал на ноги. Он сказал:

— Перелом. Двойной.

И поднял папу, и повёл его к большой машине. Народу вокруг было очень много, и по краю дороги стояли автобусы, и «Москвичи», и «газики». Я даже заметил, что дорожная машина с нашей улицы тоже была здесь. Я пошёл за доктором и папой, но меня оттирала толпа, и я еле пробирался сзади. Когда папа поднялся наверх по откосу, я увидел, что к нему подбежал дорожный рабочий с голубым лицом, тот самый, что когда-то давно жиганул меня прутом по ногам. Он что-то сказал папе на ходу, и папа кивнул головой. Потом папа стал садиться в «скорую помощь», и я понял, что он опять совсем забыл про меня. Но всё равно я решил бежать за ним и его машиной, пока не догону. Тут папа обернулся и что-то крикнул мне. Я не расслышал что. Машина тронулась и поехала, я побежал за ней, но не успел взбежать кверху — было высоко, и я остановился, потому что очень билось сердце.

Сверху была видна наша «Волга». Она стояла, как подбитый танк. Из-за неё вышел Александр Семёныч и сказал:

— Можешь себе представить, ботинок лежал в багажнике. Фантастика!

К нему подошёл милиционер.

— Так, — сказал он и стал опять чёркать в блокноте, — сейчас будем продолжать... А мальчишка этот, видать, в сорочке родился. Ни царапинки! Стало быть, это ваша машина?

Я хотел его спросить, когда же привезут обратно папу, но в это время сверху крикнули:

— Товарищ начальник! Мы мальчонку с собой заберём, чего ему тут на солнце печься!.. Мы на ихней улице асфальт кладём. Аккурат у ихнего дома. Иди, мальчик, сюда!

Это кричал со своей машины человек с голубым лицом.

Милиционер сказал:

— Поедешь?

Я не знал, что ответить, потому что мне было совестно оставлять Александра Семёныча одного. А он, видно, догадался, про что я думаю, и сказал:

— Ничего, поезжай...

— А вы без меня управитесь?

— Постараюсь. Мне помогут, поезжай...

Но я не двигался с места.

Тогда сверху соскочила красивая девушка, что сидела рядом с голубым человеком. Она взяла меня за руку и сказала:

— А мы ему руль дадим подержать. Да, Ваня? Товарищ начальник, вы ему разрешите, пожалуйста, за руль подержаться. Он у нас будет сам править, честное слово! Он даже, если захочет, будет сигналы дудеть. Да, Ваня? Он будет дудеть, и все ему будут завидовать, а вы, товарищ начальник, наверно, тоже будете завидовать. Да? Иди сюда, мальчинька, золотко моё, на, держись за руль, чтоб ты был здоров!

Она так пела надо мной, как над маленьким, и поставила меня впереди голубого человека. От него сильно пахло бензином. Он положил мои руки на руль, а рядом свои, и я увидел, какие у него толстые пальцы, с широкими ногтями с чёрной каёмкой.

Он нажал на педаль, загремел рычагами, и мы, все трое, отъехали от этого страшного места.

Всё было зелёное вокруг — и трава, и тоненькие берёзки, — и ветерок пахнул чем-то зелёным, как будто ничего не случилось. И мы так ехали и молчали, и, хотя я держал руки на руле, я не играл ни во что. Мне не хотелось. А дяденька с голубым лицом вдруг сказал своей помощнице:

— Ты посмотри, Фирка, какой папаня у этого огольца! Ведь это не каждый рыскнёт... Не схотел, значит, чужую девочку жизни решить. Машину разбил! Хотя машина что, она железка, туды ей и дорога, починится. А вот ребёнка давить не схотел, вот что дорого... Не схотел, пет. Сыном родным рыскнул. Выходит, душа у человека героïнская, огневая... Большая, значит, душа. Вот таких-то, Фирка, мы на фронте очень уважали...

Он нащупал и надавил мой нос, как кнопку звонка:

— Ззынь...

И за то, что он сказал такое хорошее про моего папу, я изо всех сил сжал его толстый палец и заплакал.

ПОЖАР ВО ФЛИГЕЛЕ, ИЛИ ПОДВИГ ВО ЛЬДАХ...

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и когда спросили одного проходящего мимо дяденьку, который час, он нам сказал:

— Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Каких-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

— Бегом давай, Мишка!

И мы полетели, как молнии. Но очень скоро устали и пошли шагом.

Мишка сказал:

— Не торопись, теперь уже всё равно опоздали.

Я говорю:

— Ох, влетит... Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины.

Мишка говорит:

— Надо её придумать. А то на совет отряда вызовут. Давай придумаем поскорее!

Я говорю:

— Давай скажем, что у нас заболели зубы и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

— У обоих сразу заболели, да? Хором заболели!.. Нет, так не бывает. И потом: если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

— Что же делать? Прямо не знаю... Ой, вызовут на совет и родителей пригласят!.. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас ещё и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

— Это как?

— Ну, например, придумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребёнка из этого пожара вытащили, понял?

Мишка обрадовался:

— Ага, понял! Можно про пожар придумать, а то ещё лучше сказать, как будто лёд на пруду проломился, и ребёнок этот — бух!.. В воду упал! А мы его вытащили... Тоже красиво!

— Ну да, — говорю я, — правильно! Но пожар всё-таки лучше!

— Ну нет,— говорит Мишка,— именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним ещё немножко поспорили, что интересней и храбрей, и не доспорили, а уже пришли к школе. А в раздевалке наша гардеробщица тётя Паша вдруг говорит:

— Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Всё равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вон у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке:

— Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тётя Паша шуганула меня.

— Иди, иди, а он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову, и вижу весь класс, и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

— «Птенцы пищат...»

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами:

«Птенцы пестчат...»

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

— Можно войти, Раиса Ивановна?

— Ах, это ты, Дениска,— сказала Раиса Ивановна.— Что ж,ходи! Интересно, где это ты пропадал?

Я вошёл в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна взгляделась в меня и прямо ахнула:

— Что у тебя за вид? Где это ты так извалялся? А? Отвечай толком!

А я ещё ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так, говорю что попало, всё подряд, только чтобы время протянуть:

— Я, Раиса Иванна, не один... Вдвоём мы, вместе с Мишкой... Вот оно как. Ого!.. Ну и дела. Так и так! И так далее.

А Раиса Ивановна:

— Что-что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говори же!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить? Вот я и говорю:

— Мы с Мишкой... Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли, чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Ивановна, прямо ох-хо-хо! Ух ты! Ай-яй-яй.

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно громко — Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «птешцов». А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать. Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

— Тише, — сказала она, — дайте разобраться! Кораблёв! Отвечай, где вы были? Где Миша?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни с сего брякнул:

— Там пожар был!

И сразу все утихло. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

— Где пожар?

А я:

— Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит — прямо клубами. А мы идём с Мишкой мимо этого... как его... мимо чёрного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припёр. Вот. А мы идём! А оттуда, значит, дым! И кто-то пищит. Задыхается. Ну, мы

доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы её за руки, за ноги — спасли. А тут её мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу». А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку! Не стоит благодарности. Мы скромные ребята». Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у неё были серьёзные и счастливые.

Она сказала:

— Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди садись. Сядь. Посиди...

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело стало. И я пошёл потихоньку на своё место, и весь класс смотрел на меня, как будто я и вправду сотворил что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Мишка. Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

— Входи, — сказала она, — входи, Мишук, садись. Сядь. Посиди. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался.

— Ещё как! — говорит Мишка. — Боялся, что вы заругаетесь.

— Ну, раз у тебя уважительная причина, — говорит Раиса Ивановна, — ты мог не волноваться. Всё-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Оц, видно, совершенно забыл, о чём мы с ним говорили.

— Ч-ч-человека? — говорит Мишка и даже заикается. — С...с...спасли? А кк...кк...кто спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас всё испортит. И я

решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил, и так ласковенько ему улыбнулся и говорю:

— Ничего не поделаешь, Мишка, брось притворяться... Я уже всё рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением: что я уже всё наврал и чтобы он не подвёл! И я ему подмигиваю, уже прямо двумя глазами, и вдруг вижу — он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше! Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным, приличным голоском говорит:

— Ну зачем ты это! Ерунда какая...

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти. А он сел за парту как ни в чём не бывало и давай тетради раскладывать. И все на него смотрели с уважением, и я тоже. И наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут чёрт всё-таки дёрнул Мишку за язык, он огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

— А он вовсе не тяжёлый был. Кило десять — пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

— Кто? Кто не тяжёлый, кило десять — пятнадцать?

— Да мальчишка этот.

— Какой мальчишка?

— Да которого мы из-подо льда вытащили...

— Ты что-то путаешь, — говорит Раиса Ивановна, — ведь это была девочка! И потом, откуда там лёд?

А Мишка гнёт своё:

— Как — откуда лёд? Зима, вот и лёд! Все Чистые пруды замёрзли. А мы с Дениской идём, слышим — кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками. Ну,

а лёд что? Лёд, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, этого мальчишку за руки, за ноги — и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слёзы лить...

Я уже ничего не мог поделывать: Мишка врал, как по писаному, ещё лучше меня. А в классе уже все догадались, что он врёт и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал и перестал врать, потому что он не то врал, что нужно, но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьём:

— Ну, тут дедушка нам говорит: «Сейчас я вам именные часы подарю за этого мальчишку». А мы говорим: «Не надо, мы скромные ребята!»

Я не выдержал и крикнул:

— Только это был пожар! Мишка перепутал!

— Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты всё позабыл.

А в классе все падают в обморок от хохота, просто помирают. Раиса Ивановна ка-ак хлопнет по столу! Все замолчали. А Мишка так и остался стоять с открытым ртом.

Раиса Ивановна говорит:

— Как не стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала хорошими ребятами!.. Продолжаем урок.

И все сразу перестали на нас смотреть. И в классе было тихо и как-то скучно. И я написал Мишке записку:

«Вот видишь, надо было говорить правду!»

А он прислал ответ:

«Ну конечно! Или говорить правду, или получше сговариваться».

АРБУЗНЫЙ ПЕРЕУЛОК

Я пришёл со двора после футбола усталый и грязный, как не знаю кто. Мне было весело, потому что мы выиграли у дома номер пять со счётом 44:37. В ванной, слава богу, никого не было. Я быстро сполоснул руки, побежал в комнату и сел за стол. Я сказал:

— Я, мама, сейчас быка съестть могу.

Она улыбнулась.

— Живого быка? — сказала она.

— Ага, — сказал я, — живого, с копытами и козьями!

Мама сейчас же вышла и через секунду вернулась с тарелкой в руках. Тарелка так славно дымилась, и я сразу догадался, что в ней рассольник. Мама поставила тарелку передо мной.

— Ешь! — сказала мама.

Но это была лапша. Молочная. Вся в пенках. Это почти то же самое, что манная каша. В каше обязательно комки, а в лапше обязательно пенки. Я просто умираю, как только вижу пенки, не то чтобы есть. Я сказал:

— Я не буду лапшу!

Мама сказала:

— Безо всяких разговоров!

— Там пенки!

Мама сказала:

— Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? Ты на кого похож? Ты вылитый Кощей!

Я сказал:

— Лучше убей меня!

Но мама вся прямо покраснела и хлопнула ладонью по столу:

— Это ты меня убиваешь!

И тут вошёл папа. Он посмотрел на нас и спросил:

— О чём тут диспут? О чём такой жаркий спор?

Мама сказала:

— Полюбуйся! Не хочет есть. Парню скоро одиннадцать лет, а он, как девочка, капризничает.

Мне скоро девять. Но мама всегда говорит, что мне скоро одиннадцать. Когда мне было восемь лет, она говорила, что мне скоро десять.

Папа сказал:

— А почему не хочет? Что, суп пригорел или пересолен?

Я сказал:

— Это лапша, а в ней пенки...

Папа покачал головой:

— Ах вот оно что! Его высокоблагородие фон барон Кутькин-Путькин не хочет есть молочную лапшу! Ему, наверно, надо подать марципаны на серебряном подносе!

Я засмеялся, потому что я люблю, когда папа шутит.

— Это что такое — марципаны?

— Я не знаю, — сказал папа, — наверно, что-нибудь сладенькое и пахнет одеколоном. Специально для фон барона Кутькина-Путькина!.. А ну давай ешь лапшу!

— Да ведь пенки же!

— Заселся ты, братец, вот что! — сказал папа и обернулся к маме. — Возьми у него лапшу, — сказал он, — а то мне просто противно! Кашу он не хочет, лапшу он не может!.. Капризы какие! Терпеть не могу!..

Он сел на стул и стал смотреть на меня. Лицо у него было такое, как будто я ему чужой. Он ничего не говорил, а только вот так смотрел — по-чужому.

И я сразу перестал улыбаться — я понял, что шутки уже кончились. А папа долго так молчал, и мы все так молчали, а потом он сказал, и как будто не мне, и не маме, а так кому-то, кто его друг:

— Нет, я, наверно, никогда не забуду эту ужасную осень, — сказал папа, — как невесело, неуютно тогда было в Москве... Война, фашисты рвутся к городу. Холодно, голодно, взрослые все ходят нахмуренные, радио слушают ежечасно... Ну, всё понятно, не правда ли? Мне тогда лет одиннадцать-двенадцать было, и, главное, я тогда очень быстро рос, тянулся кверху, и мне всё время ужасно есть хотелось. Мне совершенно не хватало еды. Я всегда просил хлеба у родителей, но у них не было лишнего, и они мне отдавали свой, а мне и этого не хватало. И я ложился спать голодный, и во сне я видел хлеб. Да что... У всех так было. История известная. Писано-переписано, читано-перечитано...

И вот однажды иду я по маленькому переулку, недалеко от нашего дома, и вдруг вижу — стоит здоровенный грузовик, доверху заваленный арбузами. Я даже не знаю, как они в Москву попали. Какие-то заблудшие арбузы. Наверно, их привезли, чтобы по карточкам выдавать. И наверху в машине стоит дядька, худой такой, небритый и беззубый, что ли, — рот у него очень втянулся. И вот он берёт арбуз и кидает его своему товарищу, а тот — продавщице в белом, а та — ещё кому-то четвёртому... И у них это ловко так цепочкой получается: арбуз катится по конвейеру от машины до магазина. А если со стороны посмотреть — играют люди в зелёно-полосатые мячики, и это очень интересная игра. Я долго так стоял и на них смотрел, и дядька, который очень худой, тоже на меня смотрел и всё улыбался мне своим беззубым ртом, славный человек. Но потом я устал стоять и уже хотел

было идти домой, как вдруг кто-то в их цепочке ошибся, загляделся, что ли, или просто промахнулся, и пожалуйте — тррах!.. Тяжеленный арбузище вдруг упал на мостовую. Прямо рядом со мной. Он треснул как-то криво, вкось, и была видна белоснежная тонкая корка, а за нею такая багровая, красная мякоть с сахарными прожилками и косо поставленными косточками, как будто лукавые глазки арбуза смотрели на меня и улыбались из серёдки. И вот тут, когда я увидел эту чудесную мякоть и брызги арбузного сока и когда я почувял этот запах, такой свежий и сильный, только тут я понял, как мне хочется есть. Но я отвернулся и пошёл домой. И не успел я отойти, вдруг слышу — зовут:

«Мальчик, мальчик!»

Я оглянулся, а ко мне бежит этот мой рабочий, который беззубый, и у него в руках разбитый арбуз. Он говорит:

«На-ка, милый, арбуз-то, тащи, дома поешь!»

И я не успел оглянуться, а он уже сунул мне арбуз и бежит на своё место, дальше разгружать. И я обнял арбуз и еле доволок его до дому, и позвал своего дружка Вальку, и мы с ним оба слопали этот громадный арбуз. Ах, что это была за вкуснота! Передать нельзя! Мы с Валькой отрезали большущие кусищи, во всю ширину арбуза, и когда кусали, то края арбузных ломтей задевали нас за уши, и уши у нас были мокрые, и с них капал розовый арбузный сок. И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы. Если по такому животу щёлкнуть пальцем, звон пойдёт знаешь какой! Как от барабана. И об одном только мы жалели, что у нас нет хлеба, а то бы мы ещё лучше наелись. Да...

Папа отвернулся и стал смотреть в окно.

— А потом ещё хуже — завершила осень, — сказал он, — стало совсем холодно, с неба сыпал

зимний, сухой и меленький снег, и его тут же сдувало сухим и острым ветром. И еды у нас стало совсем мало, и фашисты всё шли и шли к Москве, и я всё время был голодный. И теперь мне снился не только хлеб. Мне ещё снились и арбузы. И однажды утром я увидел, что у меня совсем уже нет живота, он просто как будто прилип к позвоночнику, и я прямо уже ни о чём не мог думать, кроме еды. И я позвал Вальку и сказал ему:

«Пойдём, Валька, ходим в тот арбузный переулочек, может быть, там опять арбузы разгружают, и, может быть, опять один упадёт, и, может быть, нам его опять подарят».

И мы закутались с ним в какие-то бабушкины платки, потому что холодьюга был страшный, и пошли в арбузный переулок. На улице был серый день, людей было мало, и в Москве тихо было, не то что сейчас. В арбузном переулке и вовсе никого не было, и мы стали против магазинных дверей и ждём, когда же придёт грузовик с арбузами. И уже стало совсем темнеть, а он всё не приезжал. Я сказал:

«Наверно, завтра приедет...»

«Да, — сказал Валька, — наверно, завтра».

И мы пошли с ним домой. А назавтра снова пошли в переулок, и снова напрасно. И мы каждый день так ходили и ждали, но грузовик не приехал...

Папа замолчал. Он смотрел в окно, и глаза у него были такие, как будто он видит что-то такое, чего ни я, ни мама не видим. Мама подошла к нему, но папа сразу встал и вышел из комнаты. Мама пошла за ним. А я остался один. Я сидел и тоже смотрел в окно, куда смотрел папа, и мне показалось, что я прямо вот вижу папу и его товарища, как они дрогнут и ждут. Ветер по ним бьёт, и снег тоже, а они дрогнут и ждут, и ждут, и ждут... И мне от этого просто жутко сде-

лалось, и я прямо вцепился в свою тарелку и быстро, ложка за ложкой, выхлебал её всю, и наклонил потом к себе, и выпил остатки, и хлебом обтёр донышко, и ложку облизал.

КРАСНЫЙ ШАРИК В СИНЕМ НЕБЕ

Вдруг наша дверь распахнулась, и Алёнка закричала из коридора:

— В большом магазине весенний базар!

Она ужасно громко кричала, и глаза у неё были круглые, как кнопки, и отчаянные. Я сначала подумал, что кого-нибудь зарезали. А она снова набрала воздух и давай:

— Бежим, Дениска! Скорее! Там квас шипучий! Музыка играет, и разные куклы! Бежим!

Кричит, как будто случился пожар. И я от этого тоже как-то заволновался, и у меня стало щекотно под ложечкой, и я заторопился и выскочил из комнаты.

Мы взялись с Алёнкой за руки и побежали как сумасшедшие в большой магазин. Там была целая толпа народу, и в самой середине стояли сделанные из чего-то блестящего мужчина и женщина, огромные, под потолок, и, хотя они были ненастоящие, они хлопали глазами и шевелили нижними губами, как будто говорят. Мужчина кричал:

— Весенний базарrrr! Весенний базарrrr!

А женщина:

— Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Мы долго на них смотрели, а потом Алёнка говорит:

— Как же они кричат? Ведь они ненастоящие!

— Просто непонятно,— сказал я.

Тогда Алёнка сказала:

— А я знаю. Это не они кричат! Это у них в середине живые артисты сидят и кричат себе целый день. А сами за верёвочку дёргают, и у кукол от этого шевелятся губы.

Я прямо расхохотался:

— Вот и видно, что ты ещё маленькая. Станут тебе артисты в животе у кукол сидеть целый день. Представляешь? Целый день скрючившись — устанешь небось! А есть, пить надо? И ещё разное, мало ли что... Эх ты, темнота! Это радио в них кричит.

Алёнка сказала:

— Ну и не задавайся!

И мы пошли дальше. Всюду было очень много народу, все разодетые и весёлые, и музыка играла, и один дядька крутил лотерею и кричал:

Подходите сюда поскорее,
Здесь билеты вещевой лотереи!
Каждому выиграть недолго
Легковую автомашину «Волга»!
А некоторые сгоряча
Выигрывают «Москвича»!

И мы возле него тоже посмеялись, как он бойко выкрикивает, и Алёнка сказала:

— Всё-таки когда живое кричит, то интересней, чем радио.

И мы долго бегали в толпе между взрослых и очень веселились, и какой-то военный дядька подхватил Алёнку под мышки, а его товарищ нажал кнопку в стене, и оттуда вдруг забрызгал одеколон, и когда Алёнку поставили на пол, она вся пахла леденцами, а дядька сказал:

— Ну что за красотулечка, сил моих нет!

Но Алёнка от них убежала, а я — за ней, и мы наконец очутились возле кваса. У меня были деньги на завтрак, и мы поэтому с Алёнкой выпили по две большие кружки, и у Алёнки живот сразу стал как футбольный мяч, а у меня всё время шибало в нос и кололо в носу иголочками. Здорово, прямо первый сорт, и когда мы снова побежали, то я услышал, как квас во мне булькает. И мы захотели домой и выбежали на улицу. Там было ещё веселей, и у самого входа стояла женщина и продавала воздушные шарики.

Алёнка как только увидела эту женщину, остановилась как вкопанная. Она сказала:

— Ой! Я хочу шарик!

А я сказал:

— Хорошо бы, да денег нету.

А Алёнка:

— У меня есть одна денежка.

— Покажи!

Она достала из кармана.

Я сказал:

— Ого! Десять копеек. Тётяшка, дайте ей шарик!

Продавщица улыбнулась:

— Вам какой? Красный, синий, голубой?

Алёнка взяла красный. И мы пошли. И вдруг Алёнка говорит:

— Хочешь поносить?

И протянула мне ниточку. Я взял. И сразу как взял, так услышал, что шарик топенько-тоненько потянул за ниточку! Ему, наверно, хотелось улететь. Тогда я немножко отпустил ниточку и опять услышал, как он настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просится улететь. И мне вдруг стало его как-то жалко, что вот он может летать, а я его держу на привязи, и я взял и выпустил его. И шарик сначала даже не отлетел от меня, как будто не поверил, а по-

том почувствовал, что это вправду, и сразу рванулся и взлетел выше фонаря.

Алёнка за голову схватилась:

— Ой, зачем, держи!..

И стала подпрыгивать, как будто могла допрыгнуть до шарика, но увидела, что не может, и заплакала:

— Зачем ты его упустил?..

Но я ей ничего не ответил. Я смотрел вверх на шарик. Он летел кверху плавно и спокойно, как будто этого и хотел всю жизнь.

И я стоял, задрал голову, и смотрел, и Алёнка тоже, и многие взрослые остановились и тоже позадирали головы — посмотреть, как летит шарик, а он всё летел и уменьшался.

Вот он пролетел последний этаж большущего дома, и кто-то высунулся из окна и махал ему вслед, а он ещё выше и немножко вбок, выше антенн и голубей, и стал совсем маленький... У меня что-то в ушах звенело, когда он летел, а он уже почти исчез. Он залетел за облачко, оно было пушистое и маленькое, как крольчонок, потом снова вынырнул, пропал и совсем скрылся из виду и теперь уже, наверно, был около Луны, а мы всё смотрели вверх, и в глазах у меня замелькали какие-то хвостатые точки и узоры. И шарика уже не было нигде. И тут Алёнка вздохнула еле слышно, и все пошли по своим делам.

И мы тоже пошли, и молчали, и всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядные и весёлые, и машины туда-сюда, и милиционер в белых перчатках, а в чистое, синее-синее небо улетает от нас красный шарик. И ещё я думал, как жалко, что я не могу это всё рассказать Алёнке. Я не сумею словами, и если бы сумел, всё равно Алёнке бы это было непонятно, она ведь маленькая. Вот она идёт

рядом со мной, и вся такая притихшая, и слёзы ещё не совсем просохли у неё на щеках. Ей небось жаль свой шарик.

И мы шли так с Алёнкой до самого дома и молчали, а возле наших ворот, когда стали прощаться, Алёнка сказала:

— Если бы у меня были деньги, я бы купила ещё один шарик... чтобы ты его выпустил.

ЧИКИ-БРЫК

Я недавно чуть не помер. Со смеху. А всё из-за Мишки.

Один раз папа сказал:

— Завтра, Дениска, поедем пастьись на травку. Завтра и мама свободна, и я тоже. Кого с собой захватим?

— Известное дело кого — Мишку.

Мама сказала:

— А его отпустят?

— Если с нами, то отпустят. Почему же? — сказал я. — Давайте я его приглашу.

И я сбегал к Мишке. И когда вошёл к ним, сказал: «Здрасьте!» Его мама мне не ответила, а сказала его папе:

— Видишь, какой воспитанный, не то что наш...

А я им всё объяснил, что мы Мишку приглашаем завтра погулять за городом, и они сейчас же ему разрешили, и на следующее утро мы поехали.

В электричке очень интересно ездить, очень!

Во-первых, ручки на скамейках блестят. Во-вторых, тормозные краны — красные, висят прямо перед глазами. И сколько ни ехать, всегда хочется дёрнуть такой кран или хоть погладить его рукой. А са-

мое главное — можно в окошко смотреть, там специальная приступочка есть. Если кто не достаёт, можно на эту приступочку встать и высунуться. Мы с Мишкой сразу заняли окошко, одно на двоих, и было здорово и интересно смотреть, что вокруг лежит совершенно повенькая трава и на заборах висит разноцветное бельишко, красивое, как флажки на кораблях.

Но папа и мама не давали нам никакого житья.

Они поминутно дёргали нас сзади за штаны и кричали:

— Не высовывайтесь, вам говорят! А то вывалитесь!

Но мы всё высовывались. И тогда папа пустился на хитрость. Он, видно, решил во что бы то ни стало отвлечь нас от окошка. Поэтому он скорчил смешную гримасу и сказал нарочным, цирковым голосом:

— Эй, ребятя! Занимайте ваши места! Представление начинается!

И мы с Мишкой сразу отскочили от окна и уселись рядом на скамейке, потому что мой папа известный шутник, и мы поняли, что сейчас будет что-то интересное. И все пассажиры, кто был в вагоне, тоже повернули головы и стали смотреть на папу. А он как ни в чём не бывало продолжал своё:

— Уважаемые зрители! Сейчас перед вами выступит непобедимый мастер Чёрной магии, Сомнамбулизма и Каталепсии!!! Всемирно известный фокусник-иллюзионист, любимец Австралии и Малаховки, пожиратель шпаг, консервных банок и перегоревших электроламп, профессор Эдуард Кондратьевич Кио-Сио! Оркестр — музыку! Тра-би-бо-бум-ля-ля! Тра-би-бо-бум-ля-ля!

Все уставились на папу, а он встал перед нами с Мишкой и сказал:

— Нумер смертельного риска! Отрыванье живого указательного пальца на глазах у публики! Нервных просят не падать на пол, а выйти из зала. Внимание!

И тут папа сложил руки как-то так, что нам с Мишкой показалось, будто он держит себя правой рукой за левый указательный палец. Потом папа весь напрягся, покраснел, сделал ужасное лицо, словно он умирает от боли, и вдруг он разозлился, собрался с духом и... оторвал сам себе палец! Вот это да!.. Мы сами видели... Крови не было. Но и пальца не было! Было гладкое место. Даю слово!

Папа сказал:

— Вуаля!

Я даже не знаю, что это значит. Но всё равно я хлопал в ладоши, а Мишка закричал «бис».

Тогда папа взмахнул обеими руками, полез к себе за шиворот и сказал:

— Але-оп! Чики-брык!

И приставил палец обратно! Да-да! У него откуда-то вырос новый палец на старом месте! Совсем такой же, не отличишь от прежнего, даже чернильное пятно и то такое же, как было! Я-то, конечно, понимал, что это какой-то фокус и что я во что бы то ни стало вызнаю у папы, как он делается, но Мишка совершенно ничего не понимал. Он сказал:

— А как это?

А папа только улыбнулся:

— Много будешь знать — скоро состаришься!

Тогда Мишка сказал жалобно:

— Пожалуйста, повторите ещё разок! Чики-брык!

И папа опять всё повторил, оторвал палец и приставил, и опять было сплошное удивление. Затем папа поклонился, и мы подумали, что представление окончилось, но оказалось, ничего подобного. Папа сказал:

— Ввиду многочисленных заявок, представление

продолжается! Сейчас будет показано втирание звонкой монеты в локоть факира! Маэстро, трибо-би-бум-ля-ля!

И папа вынул монетку, положил её себе на локоть, и стал тереть этой монеткой о свой пиджак. Но она никуда не втиралась, а всё время падала, и тогда я стал насмехаться над папой. Я сказал:

— Эх, эх! Ну и факир! Прямо горе, а не факир!

И все рассмеялись, а папа сильно покраснел и закричал:

— Эй ты, гривенник! Втирайся сейчас же! А то я тебя сейчас отдам вон тому дядьке за мороженое! Будешь знать!

И гривенник как будто испугался папы и моментально втёрся в локоть. И исчез.

— Что, Дениска, съел? — сказал папа. — Кто тут кричал, что я горе-факир? А теперь смотри: феерия-паantomима! Вытаскивание разменной монеты из носа прекрасного мальчика Мишки! Чики-брык!

И папа вытащил монету из Мишкиного носа. Ну, товарищи, я и не знал, что мой папа такой молодец! А Мишка прямо засиял от гордости. Он весь расслаился от удовольствия и снова закричал папе во всё горло:

— Пожалуйста, повторите ещё разик чики-брык!

И папа опять всё ему повторил, а потом мама сказала:

— Антракт! Переходим в буфет.

И она дала нам по бутерброду с колбасой. И мы с Мишкой вцепились в эти бутерброды, и ели, и болтали погами, и смотрели по сторонам. И вдруг Мишка ни с того ни с сего заявляет:

— А я знаю, па что похожа ваша шляпа.

Мама говорит:

— Ну-ка скажи — па что?

— На космонавтский шлем.

Папа сказал:

— Точно. Ай да Мишка, верно подметил! И правда, эта шляпка похожа на космонавтский шлем. Ничего не поделаешь, мода старается не отставать от современности. Ну-ка, Мишка, иди-ка сюда!

И папа взял шляпку и нахлобучил Мишке на голову.

— Настоящий Попович! — сказала мама.

А Мишка действительно был похож на маленького космонавтика. Он сидел такой важный и смешной, что все, кто проходил мимо, смотрели на него и улыбались.

И папа улыбался, и мама, и я тоже улыбался, что Мишка такой симпатяга. Потом нам купили по мороженому, и мы стали его кусать и лизать, и Мишка быстрее меня справился и пошёл снова к окошку. Он схватился за раму, встал на приступочку и высунулся наружу.

Наша электричка бежала быстро и ровно, за окном пролетала природа, и Мишке, видать, хорошо там было торчать в окошке с космонавтским шлемом на голове, и больше ничего на свете ему не нужно было, так он был доволен. И я захотел стать с ним рядом, но в это время мама подтолкнула меня локтем и показала глазами на папу.

А папа тихонько встал и пошёл на цыпочках в другое отделение, там тоже окошко было открыто, и никто в него не глядел. У папы был очень таинственный вид, и все кругом притихли и стали следить за папой. А он неслышными шагами пробрался к этому окошку, высунул голову и тоже стал смотреть вперёд, по ходу поезда, туда же, куда смотрел и Мишка. Потом папа медленно-медленно высунул правую руку, осторожно дотянулся до Мишки и вдруг с быстротой

молнии сорвал с него мамину шляпку! Папа тут же отпрыгнул от окошка и спрятал шляпку за спину, он там её заткнул за пояс. Я всё это очень хорошо видел. Но Мишка-то этого не видел! Он схватился за голову, не нашёл там маминной шляпки, испугался, отскочил от окна и с каким-то ужасом остановился перед мамой. А мама воскликнула:

— В чём дело? Что случилось, Миша? Где моя новая шляпка? Неужели её сорвало ветром? Ведь я говорила тебе: не высывайся. Чужло моё сердце, что я останусь без шляпки! Как же мне теперь быть?

И мама закрыла лицо руками и задёрнула плечами, как будто она горько плачет. На бедного Мишку просто жалко было смотреть, он лепетал прерывающимся голосом:

— Не плачьте... пожалуйста. Я вам куплю шляпку... У меня деньги есть... Сорок семь копеек. Я на марки собирал...

У него задрожали губы, и папа, конечно, не мог этого перенести. Он сейчас же соорудил свою смешную рожицу и закричал цирковым голосом:

— Граждане, внимание! Не плачьте и успокойтесь! Ваше счастье, что вы знакомы со знаменитым волшебником Эдуардом Кондратьевичем Кио-Сно! Сейчас будет показан грандиозный трюк: «Возврат шляпы, выпавшей из окна голубого экспресса». Приготовились! Внимание! Чики-брык!

И у папы в руках оказалась мамина шляпка. Даже я и то не заметил, как проворно папа вытащил её из-за спины. Все прямо ахнули! А Мишка сразу посветлел от счастья. Глаза у него от удивления полезли на лоб. Он был в таком восторге, что просто обалдел. Он быстро подошёл к маме, взял у него шляпку, побежал обратно и что есть силы по-настоящему швыр-

нул её за окно. Потом он повернулся и сказал моему папе:

— Пожалуйста, повторите ещё разик... чики-брык!

Вот тут-то и получилось, что я чуть не помер со смеху.

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Один раз мы всем классом пошли в цирк. Я очень радовался, когда шёл туда, потому что мне уже скоро восемь лет, а я был в цирке только один раз, и то очень давно. Главное, Алёнке всего только шесть лет, а вот она уже успела побывать в цирке целых три раза. Это очень обидно. И вот теперь мы всем классом пришли в цирк, и я думал, как хорошо, что я уже большой и что сейчас, в этот раз, всё увижу как следует. А в тот раз я был маленький, я не понимал, что такое цирк. В тот раз, когда на арену вышли акробаты и один полез на голову другому, я ужасно расхохотался, потому что думал, что это они так нарочно делают, для смеху, ведь дома я никогда не видел, чтобы взрослые дядьки карабкались друг на друга. И на улице тоже этого не случалось. Вот я и рассмеялся во весь голос. Я не понимал, что это артисты показывают свою ловкость. И ещё в тот раз я всё больше смотрел на оркестр, как они играют — кто на барабанах, кто на трубе, — и дирижёр машет палочкой, и никто на него не смотрит, а все играют как хотят. Это мне очень понравилось, но пока я смотрел на этих музыкантов, в середине арены выступали артисты. И я их не видел и пропускал самое интересное. Конечно, я в тот раз ещё совсем глупый был.

И вот мы пришли всем классом в цирк. Мне сразу

понравилось, что он пахнет чем-то особенным, и что на стенах висят яркие картины, и кругом светло, и в середине лежит красивый ковёр, а потолок высокий, и там привязаны разные блестящие качели. И в это время заиграла музыка, и все кинулись рассаживаться, а потом накупили эскимо и стали есть. И вдруг из-за красной занавески вышел целый отряд каких-то людей, одетых очень красиво — в красные костюмы с жёлтыми полосками. Они встали по бокам занавески, и между ними прошёл их начальник в чёрном костюме. Он громко и немножко непонятно что-то прокричал, и музыка заиграла быстро-быстро и громко, и на арену выскочил артист-жонглёр, и началась потеха! Он кидал шарики, по десять или по сто штук вверх, и ловил их обратно. А потом схватил полосатый мяч и стал им играть... Он и головой его подшибал, и затылком, и лбом, и по спине катал, и каблуком напóддавал, и мяч катался по всему его телу как примагниченный. Это было очень красиво. И вдруг жонглёр кинул этот мячик к нам в публику, и тут уж началась настоящая суматоха, потому что я поймал этот мяч и бросил его в Валерку, а Валерка — в Мишку, а Мишка вдруг нацелился и ни с того ни с сего засветил прямо в дирижёра, но в него не попал, а попал в барабан! Бамм! Барабанщик рассердился и кинул мяч обратно жонглёру, но мяч не долетел, он просто угодил одной красивой тётеньке в причёску, и у неё получилась не причёска, а нахлобучка. И мы все так хохотали, что чуть не померли.

И когда жонглёр убежал за занавеску, мы долго не могли успокоиться. Но тут на арену выкатили огромный голубой шар, и дядька, который объѣвляет, вышел на середину и что-то прокричал неразборчивым голосом. Понять нельзя было ничего, и оркестр опять

заиграл что-то очень весёлое, только не так быстро, как раньше.

И вдруг на арену выбежала маленькая девочка. Я таких маленьких и красивых никогда не видел. У неё были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы. Она была в серебряном платье с воздушным плащом, и у неё были длинные руки; она ими взмахнула, как птица, и вскочила на этот огромный голубой шар, который для неё выкатили. Она стояла на шаре. И потом вдруг побежала, как будто захотела спрыгнуть с него, но шар завертелся под её ногами, и она на нём вот так, как будто бежала, на самом деле ехала вокруг арены. Я таких девочек никогда не видел. Все они были обыкновенные, а эта какая-то особенная. Она бегала по шару своими маленькими ножками, как по ровному полу, и голубой шар вёз её на себе: она могла ехать на нём и прямо, и назад, и налево, и куда хочешь! Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необыкновенная. В это время она остановилась, и кто-то ей подал разные колокольчатые браслеты, и она надела их себе на туфельки и на руки и снова стала медленно кружиться на шаре, как будто танцевать. И оркестр заиграл тихую музыку, и было слышно, как тонко звенят золотые колокольчики на девочкиных длинных руках. И это всё было как в сказке. И тут ещё потушили свет, и оказалось, что девочка вдобавок умеет светиться в темноте, и она медленно плыла по кругу, и светилась, и звенела, и это было удивительно, — я за всю свою жизнь не видел ничего такого подобного.

И когда зажгли свет, все захлопали и завопили «браво», и я тоже кричал «браво». А девочка соскочила со своего шара и побежала вперёд, к нам поближе,

и вдруг на бегу перевернулась через голову, как молния, и ещё, и ещё раз, и всё вперёд и вперёд. И мне показалось, что вот она сейчас разобьётся о барьер, и я вдруг очень испугался, и вскочил на ноги, и хотел бежать к ней, чтобы подхватить её и спасти, но девочка вдруг остановилась как вкопанная, раскинула свои длинные руки, оркестр замолк, и она стояла и улыбалась. И все захлопали изо всех сил и даже застучали ногами. И в эту минуту эта девочка посмотрела на меня, и я увидел, что она увидела, что я её вижу и что я тоже вижу, что она видит меня, и она помахала мне рукой и улыбнулась. Она мне одному помахала и улыбнулась. И я опять захотел подбежать к ней, и я протянул к ней руки. А она вдруг послала всем воздушный поцелуй и убежала за красную занавеску, куда убегали все артисты. И на арену вышел клоун со своим петухом и начал чихать и падать, но мне было не до него. Я всё время думал про девочку на шаре, какая она удивительная и как она помахала мне рукой и улыбнулась, и больше уже ни на что не хотел смотреть. Наоборот, я крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть этого глупого клоуна с его красным носом, потому что он мне портил мою девочку: она всё ещё мне представлялась на своём голубом шаре.

А потом объявили антракт, и все побежали в буфет пить сидро, а я тихонько спустился вниз и подошёл к занавеске, откуда выходили артисты.

Мне хотелось ещё раз посмотреть на эту девочку, и я стоял у занавески и глядел — вдруг она выйдет? Но она не выходила.

А после антракта выступали львы, и мне не понравилось, что укротитель всё время таскал их за хвосты, как будто это были не львы, а дохлые кошки. Он заставлял их пересаживаться с места на место или укладывал их на пол рядом и ходил по львам ногами, как

по ковру, а у них был такой вид, что вот им не дают полежать спокойно. Это было неинтересно, потому что лев должен охотиться и гнаться за бизоном в бескрайних пампасах и оглашать окрестности грозным рычанием, приводящим в трепет туземное население. А так получается, не лев, а просто я сам не знаю что.

И когда кончилось и пошли домой, я всё время думал про девочку на шаре.

А вечером папа спросил:

— Ну как? Понравилось в цирке?

Я сказал:

— Папа! Там в цирке есть девочка. Она танцует на голубом шаре. Такая славная, лучше всех! Она мне улыбнулась и махнула рукой! Мне одному, честное слово! Понимаешь, папа? Пойдём в следующее воскресенье в цирк! Я тебе её покажу!

Папа сказал:

— Обязательно пойдём. Обожаю цирк!

А мама посмотрела на нас обоих так, как будто увидела в первый раз.

...И началась длинная неделя, и я ел, учился, вставал и ложился спать, играл и даже дрался, и всё равно каждый день думал, когда же придёт воскресенье и мы с папой пойдём в цирк, и я снова увижу девочку на шаре, и покажу её папе, и, может быть, папа пригласит её к нам в гости, и я подарю ей пистолет-браунинг и нарисую корабль на всех парусах.

Но в воскресенье папа не смог идти. К нему пришли товарищи, они копались в каких-то чертежах, и кричали, и курили, и пили чай, и сидели допоздна, и после них у мамы разболелась голова, а папа сказал мне:

— В следующее воскресенье... Даю клятву Верности и Чести.

И я так ждал следующего воскресенья, что даже не помню, как прожил ещё одну неделю. И папа сдержал своё слово: он пошёл со мной в цирк и купил билеты во второй ряд, и я радовался, что мы так близко сидим, и представление началось, и я начал ждать, когда появится девочка на шаре. Но человек, который объявляет, всё время объявлял разных других артистов, и они выходили и выступали по-всякому, но девочка всё не появлялась. А я прямо дрожал от нетерпения, мне очень хотелось, чтобы папа увидел, какая она необыкновенная в своём серебряном костюме с воздушным плащом и как она ловко бегают по голубому шару. И каждый раз, когда выходил объявляющий, я шептал папе:

— Сейчас он объявит её!

Но он, как назло, объявлял кого-нибудь другого, и у меня даже ненависть к нему появилась, и я всё время говорил папе:

— Да ну его! Это ерунда на постном масле! Это не то!

А папа говорил, не глядя на меня:

— Не мешай, пожалуйста. Это очень интересно! Самое то!

Я подумал, что папа, видно, плохо разбирается в цирке, раз это ему интересно. Посмотрим, что он запоёт, когда увидит девочку на шаре. Небось подскочит на своём стуле на два метра в высоту...

Но тут вышел объявляющий и своим глухонемым голосом крикнул:

— Ант-рра-кт!

Я просто ушам своим не поверил! Антракт? А почему? Ведь во втором отделении будут только львы! А где же моя девочка на шаре? Где она? Почему она не выступает? Может быть, она заболела? Может быть, она упала и у неё сотрясение мозга?

Я сказал:

— Папа, пойдём скорей, узнаем, где же девочка на шаре!

Папа ответил:

— Да, да! А где же твоя эквилибристка? Что-то не видать! Пойдём-ка купим программку!..

Он был весёлый и довольный. Он огляделся вокруг, засмеялся и сказал:

— Ах, люблю... Люблю я цирк! Самый запах этот... Голову кружит...

И мы пошли в коридор. Там толклось много народу, и продавались конфеты и вафли, и на стенках висели фотографии разных тигриных морд, и мы побродили немного и нашли наконец контролёршу с программками. Папа купил у неё одну и стал просматривать. А я не выдержал и спросил у контролёрши:

— Скажите, пожалуйста, а когда будет выступать девочка на шаре?

— Какая девочка?

Папа сказал:

— В программе указана эквилибристка на шаре Т. Воронцова. Где она?

Я стоял и молчал.

Контролёрша сказала:

— Ах, вы про Танечку Воронцову? Уехала она. Уехала. Что ж вы поздно хватились?

Я стоял и молчал.

Папа сказал:

— Мы уже две недели не знаем покоя. Хотим посмотреть эквилибристку Т. Воронцову, а её нет.

Контролёрша сказала:

— Да она уехала... Вместе с родителями... Родители у неё «Бронзовые люди — Два-Яворс». Может, слышали? Очень жаль. Вчера только уехали.

!СКОРО!

Я сказал:

— Вот видишь, папа...

— Я не знал, что она уедет. Как жалко... Ох ты боже мой!.. Ну что ж... Ничего не поделаешь...

Я спросил у контролёрки:

— Это, значит, точно?

Она сказала:

— Точно.

Я сказал:

— А куда, неизвестно?

Она сказала:

— Во Владивосток.

Вон куда. Далеко. Владивосток. Я знаю, он помещается в самом конце карты, от Москвы направо.

Я сказал:

— Какая даль.

Контролёрка вдруг заторопилась:

— Ну идите, идите на места, уже гасят свет!

Папа подхватил:

— Пошли, Дениска! Сейчас будут львы! Косматые, рычат — ужас! Бежим смотреть!

Я сказал:

— Пойдём домой, папа.

Он сказал:

— Вот так раз...

Контролёрка засмеялась. Но мы подошли к гардеробу, и я протянул номер, и мы оделись и вышли из цирка. Мы пошли по бульвару и шли так довольно долго, потом я сказал:

— Владивосток — это на самом конце карты. Туда, если поездом, целый месяц проедешь...

Папа молчал. Ему, видно, было не до меня. Мы прошли ещё немного, и я вдруг вспомнил про самолёты и сказал:

— А на «ТУ-104» за три часа — и там!

Но папа всё равно не ответил. Он крепко держал меня за руку. Когда мы вышли на улицу Горького, он сказал:

— Зайдём в кафе «Мороженое». Смутузим по две порции, а?

Я сказал:

— Не хочется что-то, папа.

— Там подают воду, называется «Кахетинская». Нигде в мире не пил лучшей воды.

Я сказал:

— Не хочется, папа.

Он не стал меня уговаривать. Он прибавил шагу и крепко сжал мою руку. Мне стало даже больно. Он шёл очень быстро, и я еле-еле поспевал за ним. Отчего он шёл так быстро? Почему он не разговаривал со мной? Мне захотелось на него взглянуть. Я поднял голову. У него было очень серьёзное и грустное лицо.

РАССКАЖИТЕ МНЕ ПРО СИНГАПУР

Мы с папой поехали на воскресенье в гости, к родным. Они жили в маленьком городе под Москвой, и мы на электричке быстро доехали.

Дядя Алексей Михайлович и тётя Мила встретили нас на перроне.

Алексей Михайлович сказал:

— Ого, Дениска-то как возмужал!

А тётя Мила сказала:

— Иди, Денёк, со мной рядом.— И спросила: — Это что за корзинка?

— Здесь пластилин, карандаши и пистолеты...

Тётя Мила засмеялась, и мы пошли через рельсы, мимо станций, и вышли на мягкую дорогу: по бокам дороги стояли деревья. И я быстро разулся и пошёл

босиком, и было немного щекотно и колко ступням, так же как и в прошлом году, когда я в первый раз после зимы пошёл босиком. И в это время дорога повернула к берегу, и в воздухе запахло рекой и ещё чем-то сладким, и я стал бегать по траве, и скакать, и кричать: «О-га-га-а!» И тётя Мила сказала:

— Телячий восторг.

Когда мы пришли, было уже темно, и все сели на террасе пить чай, и мне тоже налили большую чашку.

Вдруг Алексей Михайлович сказал папе:

— Знаешь, сегодня в ноль сорок к нам приедет Харитоша. Он у нас пробудет целые сутки, завтра только ночью уедет. Он проездом.

Папа ужасно обрадовался.

— Дениска,— сказал он,— твой двоюродный дядька Харитон Васильевич приедет! Он давно хотел с тобой познакомиться!

Я сказал:

— А почему я его не знаю?

Тётя Мила опять засмеялась.

— Потому что он живёт на Севере,— сказала она,— и редко бывает в Москве.

Я спросил:

— А кто он такой?

Алексей Михайлович поднял палец кверху:

— Капитан дальнего плавания — вот он кто такой.

У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька — капитан дальнего плавания? И я об этом только что узнал? Папа всегда так — про самое главное вспоминает совершенно случайно!

— Что ж ты не говорил мне, папа, что у меня есть дядя, капитан дальнего плавания? Не буду тебе сапоги чистить!

Тётя Мила снова расхохоталась. Я уже давно заметил, что тётя Мила смеётся кстати и некстати. Сейчас она засмеялась некстати. А папа сказал:

— Я тебе говорил ещё в позапрошлом году, когда он приехал из Сингапура, но ты тогда был ещё маленький. И ты, наверно, забыл. Но ничего, ложись-ка спать, завтра ты с ним увидишься!

Тут тётя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там в углу приткнулась узенькая тахтюшка. А около окна стояла большая цветастая ширма.

— Вот здесь и ложись,— сказала тётя Мила.— Раздевайся! А корзинку с пистолетами я поставлю в ногах.

Я сказал:

— А папа где будет спать?

Она сказала:

— Скорее всего, на террасе. Ты знаешь, как твой папа любит свежий воздух. А что? Ты будешь бояться?

Я сказал:

— И нисколько.

Разделся и лёг.

Тётя Мила сказала:

— Спи спокойно, мы тут, рядом.

И ушла.

А я улёгся на тахтюшке и укрылся большим клетчатый платком. Я лежал и слышал, как тихо разговаривают на террасе и смеются, и я хотел спать, но всё время думал про своего капитана дальнего плавания.

Интересно, какая у него борода? Неужели растёт прямо из шеи, как я видел на картинке? А трубка какая? Кривая или прямая? А кортик — именной или

простой? Капитанов дальнего плавания часто награждают именными кортиками за проявленную смелость. Конечно, ведь они во время своих рейсов каждый день паскакивают на айсберги, или встречают огромных китов и белых медведей, или спасают людей с терпящих бедствие кораблей. Ясно, что тут надо проявлять смелость, иначе сам пропадёшь со всеми матросами вместе и корабль погубишь. А если такой корабль, как атомный ледокол «Ленин», — погубить жалко небось, да? А вообще-то говоря, капитаны дальнего плавания не обязательно ездят только на Север, есть такие, которые в Африке бывают, и у них на корабле живут обезьянки и мангусты, которые уничтожают змей, я про это читал в книжке. Вот мой капитан дальнего плавания — он в позапрошлом году приехал из Сингапура. Удивительное слово какое: «Син-га-пур»!.. Я обязательно попрошу дядю рассказать мне про Сингапур: какие там люди, какие там дети, какие лодки и паруса... Обязательно попрошу рассказать. И я так долго думал, и незаметно уснул...

А в середине ночи я проснулся от страшного рычания. Это, наверно, какая-то собака забралась в комнату, учуяла, что я здесь сплю, и это ей не понравилось. Она рычала страшным образом, откуда-то из-под ширмы, и мне казалось, что я в темноте вижу её наморщенный нос и оскаленные белые зубы. Я хотел позвать папу, но вспомнил, что он спит далеко, на террасе, и я подумал, что я никогда ещё не боялся собак и теперь нечего трусить. Всё-таки мне уже скоро восемь.

Я крикнул:

— Тубо! Спать!

И собака сразу замолчала.

Я лежал в темноте с открытыми глазами. В окошко

ничего не было видно, только чуть виднелась одна ветка. Она была похожа на верблюда, как будто он стоит на задних лапах и служит. Я поставил одеяло козырьком перед глазами, чтобы не видеть верблюда, и стал повторять таблицу умножения на семь, от этого я всегда быстро засыпаю. И верно: не успел я дойти до семью семь, как у меня в голове всё закачалось, и я почти уснул, но в это время в углу за ширмой собака, которая, наверно, тоже не спала, опять зарычала. Да как! В сто раз страшнее, чем в первый раз. У меня даже внутри что-то ёкнуло. Но я всё-таки закричал на неё:

— Тубо! Лежать! Спать сейчас же!..

Она опять чуточку притихла. А я вспомнил, что моя дорожная корзинка стоит у меня в ногах и что там, кроме моих вещей, лежит ещё пакет с едой, который мама положила мне на дорогу. И я подумал, что если эту собаку немножко прикормить, то она, может быть, пообреет и перестанет на меня рычать. И я сел, стал рыться в корзинке, и хотя в темноте трудно было разобраться, но я всё-таки вытащил оттуда котлету и два яйца — мне как раз не было их жалко, потому что они были сварены всмятку. И как только собака опять зарычала, я кинул ей за ширму одно за другим оба яйца:

— Тубо! Есть! И сразу спать!..

Она сначала помолчала, а потом зарычала так свирепо, что я понял: она тоже не любит яйца всмятку. Тогда я метнул в неё котлету. Было слышно, как котлета шлёпнулась об неё, собака гамкнула и перестала рычать.

Я сказал:

— Ну вот. А теперь — спать! Сейчас же!

Собака уже не рычала, а только сопела. Я укрылся поплотнее и уснул...

Утром я вскочил от яркого солнца и побежал в одних трусиках на террасу. Папа, Алексей Михайлович и тётя Мила сидели за столом. На столе была белая скатерть и полная тарелка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умываться. Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студёная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался, и совсем озяб, и побежал завтракать. Я сел за стол и стал хрустеть редиской, и заедать её чёрным хлебом, и солить, и славно мне было — так и хрустел бы целый день. Но потом я вдруг вспомнил самое главное!

Я сказал:

— А где же капитан дальнего плавания?! Неужели вы меня обманули!

Тётя Мила рассмеялась, а Алексей Михайлович сказал:

— Эх, ты! Всю ночь проспал с ним рядом и не заметил... Ну ладно, сейчас я его приведу, а то он проспит весь день. Устал с дороги.

Но в это время на террасу вышел высоченный человек с красным лицом и зелёными глазами. Он был в пижаме. Никакой бороды на нём не было. Он подошёл к столу и сказал ужасным басом:

— Доброе утро! А это кто? Неужели Денис?

У него было столько голоса, что я даже удивился, где он у него помещается.

Папа сказал:

— Да, эти сто граммов веснушек — вот это и есть Денис, только и всего. Познакомьтесь. Денис, вот твой долгожданный капитан!

Я сразу встал. Капитан сказал:

— Здорово!

И протянул мне руку. Она была твёрдая, как доска.

Капитан был очень симпатичный. Но уж очень страшный был у него голос. И потом, где же кортик? Пижама какая-то. Ну, а трубка где? Всё равно уж — прямая или кривая, ну хоть какая-нибудь! Не было никакой...

— Как спал, Харитоша? — спросила тётя Мила.

— Плохо! — сказал капитан. — Не знаю, в чём дело. Всю ночь на меня кто-то кричал. Только, понимаете ли, начну засыпать, как кто-то кричит: «Спать! Спать сейчас же!» А я от этого только просыпаюсь! Потом усталость берёт своё, всё-таки пять дней в пути, глаза слипаются, я опять начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон, опять крик: «Спать! Лежать!» А в довершение всей этой чертовщины на меня стали падать откуда-то разные продукты — яйца, что ли... По-моему, я во сне слышал запах котлет. И ещё всё мне сквозь сон слышались какие-то непонятные слова: не то «куш», не то «апорт»...

— «Тубо», — сказал я. — «Тубо», а не «апорт». Потому что я думал — там собака... Кто-то так рычал!

— Я не рычал. Я, наверно, храпел?

Это было ужасно. Я понял, что он никогда не подружится со мной. Я встал и вытянул руки по швам. Я сказал:

— Товарищ капитан! Было очень похоже на рычание. И я, наверно, немножко испугался.

Капитан сказал:

— Вольно. Садись.

Я сел за стол и почувствовал, что у меня в глазах

как будто песку насыпано, колет, и я не могу смотреть на капитана. Мы все долго молчали.

Потом он сказал:

— Имей в виду, я совершенно не сержусь.

Но я всё-таки не мог на него посмотреть.

Тогда он сказал:

— Клянусь своим именованным кортиком.

Он сказал это таким весёлым голосом, что у меня сразу словно камень упал с души.

Я подошёл к капитану и сказал:

— Дядя, расскажите мне про Сингапур.

СОДЕРЖАНИЕ

«Он живой и светится...»	5
• Тайное становится явным	8
Мотогонки по отвесной стене	12
♦ Слава Ивана Козловского	18
♦ Зелёнчатые леопарды	22
Надо иметь чувство юмора	28
✓ Удивительный день	32
И мы!..	49
✓ Старый мореход	53
Что я люблю	59
✓ ...И чего не люблю!	62
Профессор кислых щей	64
✓ «Где это видано, где это слышано...»	67
✓ Человек с голубым лицом	76
✓ Пожар во флигеле, или подвиг во льдах...	86
Арбузный переулочек	93
✓ Красный шарик в синем небе	99
Чики-брык	103
✓ Девочка на шаре	109
♦ Расскажите мне про Сингапур	119

Для начальной школы

Виктор Юзефович Драгунский

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Рассказы

ИБ № 8057

Ответственный редактор Н. Е. Дубань. Художественный редактор И. Г. Найдёнова. Технический редактор Е. В. Буташкина. Корректоры В. А. Иванова и Л. А. Лазарева. Сдано в набор 15.01.85. Подписано к печати 15.05.85. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,44. Усл. кр.-отт. 8,84. Уч.-изд. л. 5,54. Тираж 100 000 экз. Заказ № 320. Цена 40 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рославлополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суздальский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

«...Нет настоящего детства без озорных стихов Самуила Маршака, без сатирических стихов Агнии Барто, без весёлых повестей и рассказов Николая Носова, Анатолия Алексина, Юрия Сотника, Виктора Драгунского и других советских детских писателей, понимающих, что юмор — это порой кратчайшее расстояние между самой серьёзной проблемой и сознанием ребёнка».

С. Михалков

